

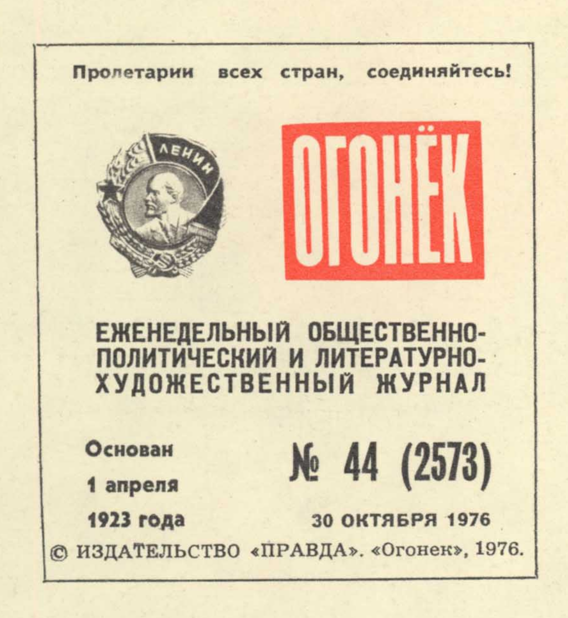
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1976

Перед страной, перед нашей партией и народом в десятой пятилетке открывается огромная, захватывающе интересная работа. Работа крайне ответственная. И от того, как мы будем работать, как будем выполнять намеченные планы, зависят мощь, авторитет и процветание нашей Родины, благополучие каждой семьи, благосостояние и счастье каждого советского человека.

Нет сомнений, что народ наш, руководимый партией Ленина, и на этот раз окажется на высоте ответственности, возложенной на него историей.

Предначертания партии, задачи, выдвинутые ее XXV съездом, будут претворены в жизнь!

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2573)

30 ОКТЯБРЯ 1976

ПЛЕНУМ

Коммунистичес

25—26 октября 1976 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1977 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1975 год».

На Пленуме с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

В прениях по докладам выступили: тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, М. С. Соломенцев — Председатель Совета Министров РСФСР, Т. Я.

ПОСТАНОВЛ

О проектах Государственного СССР на 1976—1980 годы, хозяйства СССР на 1977 год

Одобрить в основном проекты Государственного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1977 год и Государственного бюджета СССР на 1977 год и внести их на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

Целиком и полностью одобрить деятельность Политбюро ЦК КПСС по реализации социально-экономической программы и внешнеполитического курса, разработанных XXV съездом партии, положения и выводы, изложенные в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме.

Предложить ЦК компартий союзных республик, крае-

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ

26 октября состоялось заседание Центральной ревизионной комиссии КПСС.

С информацией о работе Центральной ревизионной комиссии КПСС выступил ее председатель Г. Ф. Сизов.

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
кой партии Советского Союза

Киселев — Председатель Совета Министров Белорусской ССР, Г. А. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, С. Ф. Медунов — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, А. В. Коваленко — первый секретарь Оренбургского обкома КПСС, Р. Ф. Горожаева — звеньевая кукурузоводческого звена совхоза «Золотаревский» Ростовской области, М. Г. Гапуров — первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана, П. Ф. Ломако — министр цветной металлургии СССР, Ф. Т. Моргун — первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины, В. К. Месяц — министр сельского хозяйства СССР, Г. И. Марчук — вице-президент Академии наук СССР, председатель Сибирского отделения Академии наук СССР, Г. Л. Михайлов — токарь Харьковского завода транспортного машиностроения им. В. А. Малышева, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, К. Н. Руднев — министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления.

Пленум ЦК КПСС принял по обсуждавшимся вопросам соответствующее постановление.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы:

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС тов. Я. П. Рябова.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тт. В. А. Карлова, К. Н. Беляка, Ф. Т. Моргуна.

На этом Пленум Центрального Комитета закончил свою работу.

ЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС
пятилетнего плана развития народного хозяйства
Государственного плана развития народного
и Государственного бюджета СССР на 1977 год

вым и областным комитетам партии, всем партийным организациям осуществить необходимые меры, обеспечивающие успешное завершение заданий 1976 года, безусловное выполнение народнохозяйственного плана 1977 года и пятилетнего плана в целом. Уделить особое внимание принятию и реализации производственными коллективами встречных планов и повышенных социалистических обязательств. Сконцентрировать усилия советских и хозяйственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций, трудовых коллективов на решении задач по всемерному повышению эффективности общественного производства и качества работы во всех звеньях народного хозяйства. Привести в действие все имеющиеся резервы и возможности для ускорения научно-технического прогресса, более широкого использования передового опыта, роста производительности труда, увеличения выпуска и улучшения ассортимента и качества продукции, расширения производства товаров народного потребления. Настойчиво добиваться рационального, экономного использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов, повышать эффективность капитальных вложений.

Пленум Центрального Комитета КПСС призывает коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся еще шире развернуть социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий десятой пятилетки и тем самым обеспечить дальнейшее укрепление экономического могущества Советского государства, неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа.

РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ КПСС

На заседании рассмотрен и утвержден план работы Центральной ревизионной комиссии КПСС на 1977 год.

Состоялись выборы заместителя Председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС. Заместителем Председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС избран член Центральной ревизионной комиссии КПСС, главный редактор журнала «Партийная жизнь» М. И. Халдеев.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СО

27 октября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, начала работу пятая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва.

В 10 часов утра под председательством Председателя Совета Национальностей В. П. Рубена открылось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, К. Ф. Катушева, М. В. Зимянина, К. У. Черненко, Я. П. Рябова.

Депутаты единогласно утвердили повестку дня сессии, а также порядок ее работы.

В повестке дня сессии вопросы:

1. О заместителях Председателя Президиума Верховного Совета СССР от Украинской ССР, Грузинской ССР и Литовской ССР.

2. О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы.

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ Д. А. КУНАЕВУ

ВЕТА СССР

3. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год.
4. О Государственном бюджете СССР на 1977 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1975 год.
5. О проекте Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».
6. Об образовании постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства.
7. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Фото А. Гостева.

Члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Казахстана товарищу Д. А. Кунаеву 27 октября в Кремле были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Этой высокой награды тов. Д. А. Кунаев удостоен за большие заслуги по мобилизации коммунистов и всех трудящихся республики на успешное выполнение решений XXV съезда партии по развитию сельского хозяйства и успешное выполнение принятых высоких социалистических обязательств по продаже государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов в 1976 году.

Награду вручил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

При вручении награды присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов.

В зале были также Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбеков, Председатель Совета Министров Казахстана Б. А. Ашимов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

При вручении награды выступил тов. Н. В. Подгорный. Затем с ответным словом выступил тов. Д. А. Кунаев. Он выразил глубокую признательность Политбюро ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу.

Товарища Д. А. Кунаева сердечно поздравили с высокой наградой Родины руководители Коммунистической партии и Советского государства. Они пожелали ему крепкого здоровья, дальнейшей плодотворной деятельности во имя построения коммунистического общества в нашей стране.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ШИРОКИМ ШАГОМ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленностью за девять месяцев 1976 года. Широким шагом шагает эта ведущая отрасль народного хозяйства. Ударный труд миллионов, широко развернувшееся социалистическое соревнование за выполнение решений XXV съезда партии приносят добрые плоды. План по объему реализации продукции, росту производительности труда и производству большинства важнейших видов изделий перевыполнен. Сверх плана реализовано продукции более чем на 4,5 миллиарда рублей. Прирост промышленного производства по сравнению с тем же периодом прошлого года составил 4,8 процента при годовом плане 4,3 процента. Многое сделано для совершенствования качественных показателей.

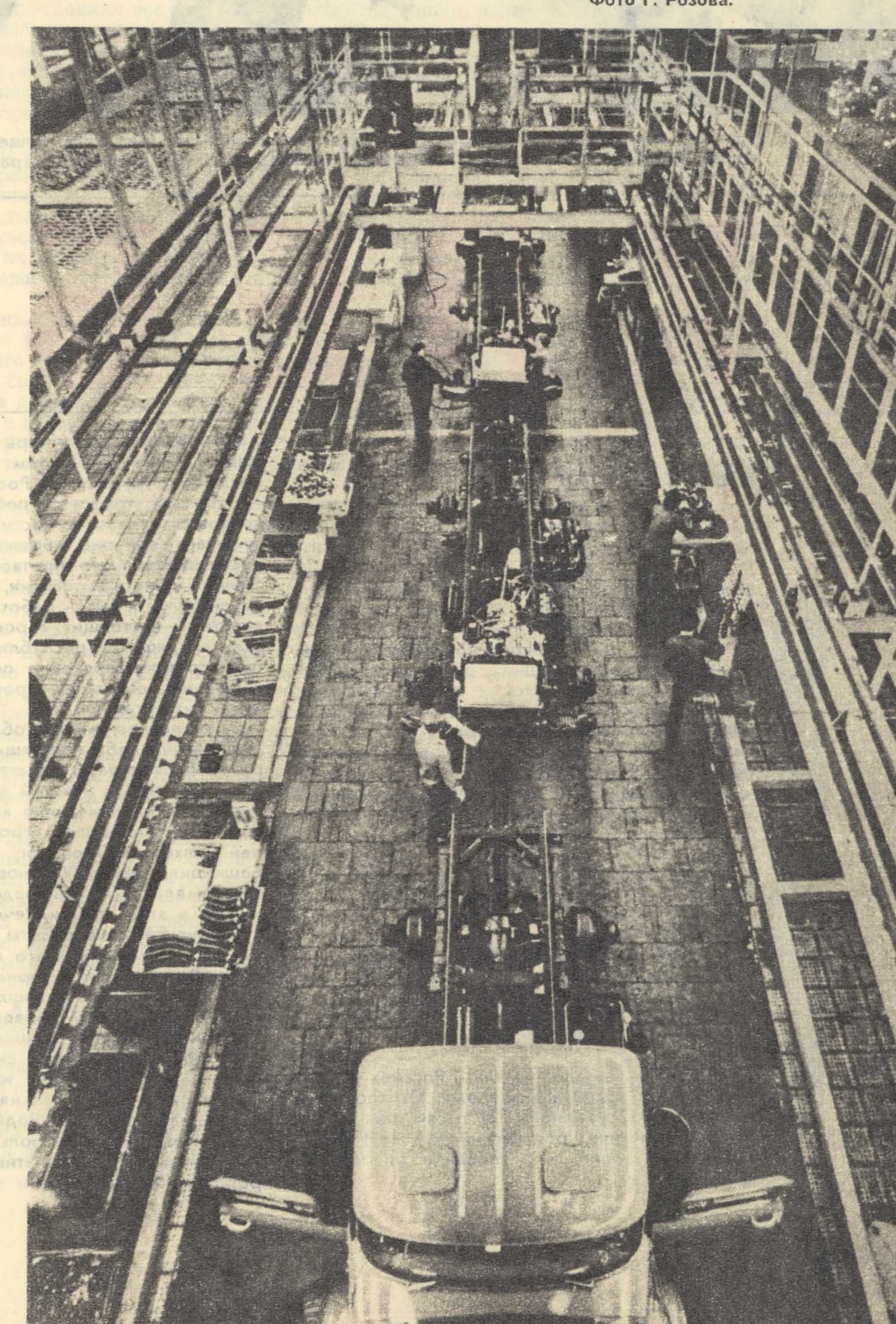
В сообщении ЦСУ отмечаются и недостатки, имевшие место в работе министерств, объединений и предприятий,— недовыполнен план производства некоторых видов продукции.

Советские люди полны решимости ознаменовать завершающий квартал первого года десятой пятилетки новыми достижениями в осуществлении заданий Родины. Сегодня, в канун 59-й годовщины Великого Октября, вдохновенно звучат слова Призыва ЦК КПСС:

— Честь и слава трудовым коллективам, передовикам и новаторам производства, идущим в авангарде всенародной борьбы за повышение эффективности производства и качества работы, за успешное выполнение плана первого года десятой пятилетки!

Среди предприятий, досрочно выполнивших задания девяти месяцев 1976-го, — одно из крупнейших производственных объединений: Московский автозавод имени Лихачева. Этот снимок сделан на сборочном конвейере.

Фото Г. Розова.

Отлично поработало транспортно-уборочное звено колхоза «Победа», Кущевского района, Краснодарского края. Руководителю этого звена В. Шевченко председатель колхоза Ф. Радченко преподносит традиционный каравай. Фото В. Николаева.

ХЛЕБ РОС

Юрий ГРИБОВ

Такого трудного для деревни года, как нынешний, давно уже не выдавалось: дни сева стояли холодные, грязь, в поле не сунешься, трактора буксовали, а когда по срокам подошло время уборки, хлеба еще были зелеными, колос не шелушился, поливали и без того влажную землю нескончаемые дожди. При дождях проходила и сама жатва, ловился каждый погожий час. Поэт Сергей Викулов написал об этом такие стихи:

От реки Кубани до Урала
все катились, все неслись грома
по полям...
Россия убирала
хлеб свой небывалый в закрома...
...Тишина теперь на каждом стане...
Ну, а руки... руки все гудят.
Что ж, сказать по чести, россияне
испокон нелегкий хлеб едят!..

Уборочная страда утихла. Россия убрала свой хлеб. Засыпала в закрома. Отрапортовала Родине. 52 миллиона 227 тысяч тонн — вот он какой нынче, российский каравай! Такое количество зерна в республике заготовлено впервые!

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в своем приветствии горячо поздравил трудящихся Российской Федерации с большой трудовой победой. «Достижения колхозов и совхозов Российской Федерации,— отмечает товарищ Брежнев,— это результат последовательного претворения в жизнь аграрной политики партии, самоотверженного труда тысяч и тысяч работников сельского хозяйства — настоящих героев хлебной страды, всех трудящихся республики, результат большой организаторской и политической работы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов».

Земледельцы многих областей России показали нынче себя настоящими героями. В пору хлебной страды со страниц газет, с экранов телевизоров каждый день смотрели улыбчивые, загоревшие лица комбайнеров и трактористов, шоферов, агрономов, председателей колхозов. Оренбург, Волгоград, Саратов, Башкирия, Пенза, Ульяновск — с этих и других земель поступали радостные вести. Отличилось в этом году и Нечерноземье, где сейчас идут большие работы по улучшению почвы, по изменению всего облика сел и деревень. Валовой сбор зерна достиг в текущем году в этой зоне 26 миллионов тонн, превысив среднегодовой уровень предыдущей пятилетки более чем на шесть миллионов тонн.

Особое слово хочется сказать о хлеборобах Кубани. Они выступили инициаторами социалистического соревнования за увеличение производства и продажи Родине зерна и других продуктов. «Большую роль в успешной уборке урожая сыграла инициатива кубанских хлеборобов,— говорил в речи на недавнем Плену-

В колхозе «Россия», Оренбургской области, первый каравай нового урожая вручают лучшим комбайнерам — братьям Владимиру и Александру Вьюгиным.

ме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.— Их славный почин нашел широчайшую поддержку в республиках, краях и областях». Слово, данное Родине, кубанцы сдержали. Краснодарский край засыпал в закрома государства 4 миллиона 425 тысяч тонн зерна высокого качества, перекрыв свои повышенные социалистические обязательства. Никогда еще Кубань не давала столько хлеба стране. Вот они, прекрасные плоды интенсификации сельского хозяйства, укрепления его материально-технической базы, химизации, развития в крае орошаемого земледелия и рисосеяния, внедрения в производство высокоурожайных сортов. Вот они, чудесные результаты небывайно возросшей культуры земледелия. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сердечно поздравил славных кубанцев с большой победой.

...Этим летом, в самую пору жатвы, мне довелось побывать на Волге и в смоленских краях. Организованно и с большим подъемом шла всюду уборка. Люди переживали за хлеб. В поле выходили все, кто мог. Даже старики пенсионеры, которым сидеть бы дома, приходили к председателям:

— Может, подмогнуть надо, ты скажи...

Всюду было много семейных агрегатов. Приедешь на полевой стан и видишь, как после работы вместе со взрослыми едят борщ ребята, девушки.

Много встречал я в полях и городских парней и девчат. Они не отставали от деревенских. Город помогал селу. Село без города не может, как и город без села. Хлеб всех объединяет.

...Сейчас поля укрыты снегом. Рано и неожиданно он в этом году выпал. Картошку кое-где погубил. А хлеб мы успели взять. Весь до зернышка... По утрам, когда я иду мимо булочной, откуда доносится аромат саратовских калачей и украинских паляниц, встают у меня в памяти ночи в степи, рокот комбайнов, грузовиков, пыльные тракты, промокшие проселочные дороги и лица хлеборобов, молодых и пожилых и совсем юных. Лица кормильцев наших...

СИИ

Фото А. Гостева.

АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Михаил МИХАЙЛОВ

Пятнадцать месяцев назад руководители 35 государств, подписав Заключительный акт общеевропейского совещания, торжественно подтвердили, что политика мирного сосуществования государств с различным общественным строем в нынешней Европе — это единственно разумная политика. Наличие на европейском континенте социалистической и капиталистической формации — объективная реальность. Базируясь на положениях хельсинкского Заключительного акта, на заключенных двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях, можно и должно развивать взаимовыгодное сотрудничество между капиталистическими и социалистическими государствами в самых различных областях.

В порядок дня поставлен и вопрос об установлении деловых связей между действующими в Европе экономическими группировками — Советом Экономической Взаимопомощи социалистических стран и ЕЭС — Европейским экономическим сообществом — «Общим рынком» девяти западноевропейских капиталистических государств. Инициативу в этом отношении проявили страны СЭВ. Брюссельская штаб-квартира ЕЭС еще не сформулировала согласованного ответа стран «Общего рынка» на предложение СЭВ, что, очевидно, отражает перманентные внутренние трудности этой буржуазной группировки, противоречия интересов ее участников, особенно обострившиеся в современный период, когда капиталистический мир не может выбраться из бурных экономических потрясений.

В этих условиях все больше ставятся под вопрос планы западноевропейской политической интеграции, предусматривающие создание «европейского парламента», наделенного столь широкими полномочиями, что они ограничат суверенитет отдельных западноевропейских государств, особенно малых, так как более крупные страны — ФРГ, Франция, Англия, Италия образуют фактическую директорию, располагая абсолютным большинством мандатов в наднациональном «парламенте».

Планы эти способствовали не объединению партнеров, а возникновению столь больших разногласий, что в коммюнике о состоявшейся недавно в Люксембурге сессии министров иностранных дел ЕЭС эта тема вообще не упоминается. А ведь первоначально предполагалось сделать ее главной на переговорах министров.

Что касается тех вопросов, которые упомянуты в коммюнике сессии, то результаты их обсуждения весьма скудные. Координация действий стран «Общего рынка» даже по сравнительно второстепенным проблемам становится все более сложной.

Обсуждался в Люксембурге, к примеру, вопрос о свободе рыболовства для участников ЕЭС в прибрежных водах «девятки». Англия и Ирландия поспешили заявить, что не разрешат другим странам «Общего рынка» ловить рыбу слишком близко от своих берегов. По-прежнему остается невыполненным установление общих цен в девяти государствах, входящих в ЕЭС, на сельскохозяйственную продукцию. Те страны, в которых существуют более низкие цены на сельскохозяйственное сырье, вино или какие-либо промышленные товары, отнюдь не заинтересованы в том, чтобы этим пользовались остальные западноевропейские государства.

Наконец, самой острой остается валютная проблема. Как писала французская «Монд», «с каждым днем становится все более очевидным, что единство ЕЭС или того, что от него осталось, подвергается суровому испытанию в связи с усиливающейся нестабильностью валютных рынков».

О чем конкретно идет речь? Четыре года назад страны «Общего рынка» договорились ограничить пределы колебаний своих валют по отношению к доллару США в 4,5 процента, а пределы взаимных колебаний — в 2,25 процента. Это решение ЕЭС получило наименование «змеи в туннеле».

Однако вскоре «туннель» покинули Италия, Англия, Ирландия, Франция, зато к нему подключились Швеция и Норвегия.

Но в октябре нынешнего года, по существу, весь «туннель» обрушился. Западноевропейские валютные рынки охватила вакханалия спекуляций. Игра велась и на понижение курса валют таких стран, как Франция, Англия, Италия и другие, и на повышение западногерманской марки — наиболее сильной валюты Западной Европы. Нажились на этом международные монополии, в первую очередь американские, так как паритет доллара не менялся. Чтобы прекратить лихорадку, министры финансов и директора национальных банков семи западноевропейских стран договорились об очередной, шестой по счету за последние годы ревальвации, то есть повышении курса западногерманской марки. Это несколько утихомирило биржевые страсти, но не могло не снизить конкурентоспособности западногерманских товаров, становящихся более дорогими. Сомнительно, чтобы западногерманские дельцы смирились с таким положением. А значит, впереди новые вспышки межкапиталистических противоречий. Коренная причина их лежит в кризисе всей капиталистической системы, из которого, конечно, не в состоянии выбраться и «Общий рынок». Достаточно напомнить, что в девяти странах «Общего рынка»: ФРГ, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурге, Дании и Ирландии — насчитывается пять миллионов безработных.

Не удивительно, что в такой обстановке в Люксембурге было уже не до разговоров об амбициозных планах политической интеграции Западной Европы.

Жизнь зовет не к искусственным конструкциям западноевропейской политической интеграции, а к устойчивому, взаимовыгодному общеевропейскому сотрудничеству, к дальнейшей материализации политики разрядки и мирного сосуществования.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КАМАУ — ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Фыонг (в центре) и ее подруги.

Первая стройка в Куанлонге.

М. ИЛЬИНСКИЙ
Фото автора

105-й меридиан. 8 градусов 33 секунды северной широты. Самая южная оконечность Индокитайского полуострова, своеобразный южный полюс страны — мыс Камау. Если взглянуть на географическую карту, то увидишь клочок суши, который врезается в океан птичьим клювом, рассеченным множеством водных проток. В годы войны здесь, в редчайших на нашей планете мангровых и каепутовых лесах Уминь и Дыок, была надежная партизанская база. 1 мая 1975 года над Камау взметнулось знамя патриотов, возвестив о полном освобождении всей вьетнамской земли.

С декабря 1975 года этот район получил название провинция Миньхай. Слог «минь» как бы передает богатства леса Уминь, а «хай» напоминает о море, волны которого омывают песчаные берега Камау.

У города Куанлонга обрывается асфальтовое полотно последней дороги. Далее к мысу, к лесам Уминь и Дыок, можно добраться лишь на легких рыбацких сампанах.

Солнце еще не поднялось, когда небольшая моторная лодка увозила меня по протоке Кханьлам в глубь мангрового леса Уминь. Еще не погасли огни в рыбацких хижинах, которые словно цепляются за зыбкий берег, а фасад, выходящий на реку, служит и причалом для лодок и парадным входом для гостя. Затем хижины встречаются все реже, и порой их разделяет несколько километров водного пути.

Солнце встает над Камау всегда в шесть часов утра. С разницей в несколько минут. Так бывает и зимой, и летом, и весной, и осенью. Его жгучие лучи быстро растворили легкую дымку и позолотили лицо юной лодочницы Фан Тхиет Фыонг. Она поправила широкую шляпу, укрыла плечи серым клетчатым платком — верным спутником былых партизанских лет. Такие платки носили партизаны во всех уголках Южного Вьетнама.

Вот уже пятый час лодка скользит по волнам реки Кханьлам. Берега кажутся снежно-белыми, словно солнце выпарило соль из протоки. Я протянул Фыонг флягу воды. Она улыбнулась, под узкими бровями блеснули темные глаза.

— Мы, партизаны, привыкли экономить каждый глоток пресной воды. Берегите воду. Она еще пригодится нам.

За бортом быстро неслась река. Остались позади остовы затонувших сайгонских катеров. Они были подбиты весной 1975-го артиллерией патриотов. И сейчас торчащие над поверхностью реки проржавевшие борта напоминали о тех боях.

— Вот там, на берегу,— Фыонг показала в сторону огромного дерева, раскидистые ветви которого были объяты пламенем ярких цветов,— мы недавно захватили скрывавшегося несколько месяцев предателя Тху — одного из шефов сайгонской контрразведки на Камау. «Специалист по антипартизанской борьбе» отстреливался, ранил двух наших солдат. А когда у него кончились патроны, упал лицом в прибрежную траву и просил о пощаде. «Пристрелить его на месте»,— сказал один из солдат. «Нет,— возразили другие.— Его будет судить народная власть. Тху ответит за свои преступления перед людьми Камау. Им решать его судьбу...»

В первые дни после освобождения патриоты края обезоружили и взяли на учет более 20 тысяч бывших сайгонских военных, полицейских, служащих охранки и марионеточной администрации. Наиболее злостные враги революции, не сумевшие бежать из страны, пытались скрыться от возмездия. Но леса, болота и протоки, где десятилетиями укрывались патриоты, не стали убежищем для врагов родины.

Камау сразу же после Августовской революции 1945 года превратился в обширную партизанскую базу. Марионетки и их заокеанские покровители отсиживались главным образом в городах и военных опорных пунктах, не осмеливаясь появляться в мангровых и каепутовых лесах. Связь между ними осуществлялась по воздуху. Караваны военных судов за каждым поворотом рек и проток попадали в засады патриотов.

— Среди местных жителей,— рассказывала Фыонг, очищая заглохший моторчик лодки от водорослей,— марионеточные власти, конечно, пытались вербовать предателей. Но это им редко удавалось. Ведь в районе леса Уминь не было, пожалуй, ни одной семьи, где бы отец, мать, дочери и сыновья не сражались в боевых отрядах патриотов.— Она помолчала немного и добавила: — Более десяти дней каратели пытали моего старшего брата Кы, чтобы он назвал место партизанской базы. Потом мы нашли тело Кы в одной из проток. Брат никого не выдал...

В общине Кханьлонг, куда привезла меня Фыонг, восемь деревень, примерно 18 тысяч человек. Среди 69 общин провинции Миньхай эта одна из крупнейших. Председатель народного совета общины старый революционер Чунг знакомил меня с жителями. Каждый из них обнимал председателя и по старому обычаю прижимался щекой к щеке.

Хозяева предлагали все, чем богат дом. Я обратил внимание, что на алтаре в каждом доме стояло по нескольку глиняных чашечек с благовонными палочками в память о погибших во время недавней войны. В одном из домов я насчитал десять таких чашечек. Старая седая женщина укладывала рядом с ними ярко-желтые плоды манго... Таков обычай — оставлять на алтарях еду и тем, кто ушел из жизни.

— Нам сейчас очень трудно,— говорил председатель, вынимая из кармана залатанной куртки кисет с пожелтевшей травой, заменявшей ему табак.— Раньше у каждого дома был фруктовый сад. Мы сеяли рис, рыбачили. Лес Уминь мог прокормить всех. Но наши дома, сады и даже леса были уничтожены. Вы ведь знаете, враги применяли специальные химикаты, чтобы истребить всякую растительность, лишить патриотов укрытия.

В первые же месяцы после освобождения на помощь нам пришла революционная власть. С севера мы получили рис. Крестьяне начали возвращать к жизни рисовые поля, строить дамбы, чтобы защитить посевы от соленых вод. Думаем, не только себя сможем обеспечить рисом, но будем и государству продавать.

— Дел много,— продолжал председатель,— одно из самых трудных — восстановить ценные мангровые леса. Дерево чам, растущее здесь, очень прочное. Из него строят дома, лодки. До войны леса Дыок и Уминь занимали примерно двести двадцать тысяч гектаров. Более половины этих лесов уничтожено бомбами и ядохимикатами. Мы уже начали сажать молодые деревья. Они легко приживаются, и новые леса уже поднялись более чем на ста гектарах. Это только начало. В ближайшем будущем на помощь нам придет современная техника: будем сеять лес с самолетов. Семена чам хорошо всходят на болотистой почве. Пройдет время, и зашумят в полную силу могучие кроны.

...Из общины Кханьлонг мы отправились дальше в глубь леса Уминь. Протока становилась все мельче. Приходилось прибегать к помощи бамбукового шеста. Винт мотора то и дело забивала трава, и Фыонг умело разрезала ее большим черным ножом. Метр за метром мы пробивались к большой воде. На одном из поворотов лодка перевернулась. На дне остались несколько фотопленок, дорожные блокноты, дневники... При помощи лиан, обвивавших деревья чам и не уступающих по прочности канату, мы вытащили лодку из иссиня-черной тины. Вот здесь-то я и понял, что означает само название Камау — «Черная вода».

Мы потеряли флягу с водой, и Фыонг срезала с веток прибрежных кустов зеленые дички.

— Это наш партизанский напиток,— объяснила девушка, надкусив плод и потягивая кисло-сладкий сок...

Несколько часов мы выбирались из коварной протоки. Вышли на реку Кханьлам, когда в небе зажглись первые звезды. Четко засверкал перевернутый ковш Большой Медведицы. Огромной лентой, словно рассекая небо, пролег Млечный Путь. Чем ближе к Куанлонгу, главному городу Камау, тем больше протока напоминает ночную посадочную полосу аэродрома. Это рыбаки устанавливают вдоль берегов сети и зажигают керосиновые фонари, свет которых привлекает креветок, лангустов и косяки рыбы.

Глаза быстро привыкают к ночным силуэтам. Там, на берегу, в фосфорном блеске от светлячков,— дерево сонг. Фыонг уже восемнадцатый час за рулем.

— Ничего,— говорит девушка,— я привыкла. С тринадцати лет вожу сампаны. Приходилось не спать и более суток. Выдерживала.

Фыонг замолкла. Лодка, разрезая волны, приближалась к Куанлонгу. Когда уже была видна пристань у бетонного моста, Фыонг сложила ладони рупором и что-то прокричала. Через несколько секунд в одной из хижин вспыхнул свет и раздался ответный крик.

— Это Кан,— сказала Фыонг.— Мой друг с партизанских времен. Война надолго разлучила нас. Теперь мы вместе. Уже назначен день свадьбы...

Утром я рассказывал о нашем путешествии заместителю председателя административного комитета провинции Миньхай товарищу Ба Хуангу. Он выслушал меня, улыбнулся и сказал:

— Я знаю Фыонг уже долгие годы. Это сильная и мужественная девушка. У нас никто не удивился, когда мы узнали, что она стала народной героиней Юга...

«А ведь об этом она промолчала»,— подумал я. Сколько героев дала эта земля! Здесь было особенно трудно поддерживать связь с центром, доставлять оружие, боеприпасы, продовольствие. Но подпольный революционный комитет действовал. Немало борцов заплатили жизнью за свободу родины. В школе-интернате я видел 700 маленьких жителей Камау в пионерских галстуках. Все они дети тех, кто сражался и погиб в битвах за революцию, за социализм.

Тринадцатилетний мальчонка в пионерском приветствии поднял руку. Его глаза сияли. Он гражданин свободного единого социалистического Вьетнама. Сбылась мечта его отца-партизана. Трогательный длинный строй пионеров в белых рубашках.

— Когда мы взяли власть в Камау,— вспоминал Ба Хуанг,— один из партизан запел советскую песню: «И на Тихом океане свой закончили поход...» Мы тоже закончили на Тихом океане свой боевой поход. Теперь перед нами не менее трудный поход за восстановление родины.

ВЬЕТНАМА

«Обеспечить в 1980 году производство химических волокон и нитей в количестве 1450—1500 тыс. тонн. Расширить ассортимент волокон и нитей бытового назначения с улучшенными свойствами».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

И В ОГНЕ НЕ ГОРИТ, И В ВОДЕ НЕ ТОНЕТ

...Заканчивается сложная операция. Ее проводит опытный хирург. Наложен один внутренний шов, другой. Тампоны с необходимым лекарством прикладываются к обнаженной ране. Но хирург не спешит их убирать. Как ни странно, после операции они останутся в теле больного. Пройдет какое-то время, и они вместе с шовными нитями бесследно рассосутся в организме. И именно тогда, когда это будет нужно.

Таковы свойства совинола — нового синтетического волокна, созданного советскими специалистами из поливинилового спирта.

А вот другое химическое волокно — нитрон. Любопытный опыт провели с ним ученые. Целый год его небольшой лоскуток держали под открытым небом. А для сравнения на растерзание ветру, дождям, снегу отдали и образцы других тканей. За это время натуральный шелк потерял 90 процентов своей прочности, хлопчатобумажная ткань — две трети. Прочность же ткани из нитрона снизилась всего на 10 процентов.

Это лишь два из более чем 500 известных сегодня химических волокон. По многим своим свойствам они выгодно отличаются от натуральных.

В природе нет, например, таких волокон, которые бы одинаково хорошо противостояли действию кислот и щелочей, позволяли бы делать канаты и тросы, прочные, как сталь, но плавающие на воде, или могли бы выдержать такую же нагрузку, какую выдерживают химические волокна в шинах самолетов, были бы способны выдерживать температуры свыше 300 градусов или убивать бактерии и даже лечить от ревматизма и радикулита.

Но самое замечательное достоинство синтетических волокон состоит вот в чем. Методом синтеза ученые получают волокна с заранее заданными свойствами. При этом из одного и того же исходного вещества — мономера — получают полимеры порой с прямо противоположными качествами.

Вот такими поистине волшебными превращениями и занимаются в одном из институтов отрасли — Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетического волокна, что находится в Калинине.

О его работе корреспондент «Огонька» С. Власов попросил рассказать директора ВНИИСВ, доктора химических наук, профессора А. С. Чеголя.

— Наша страна по выпуску химического волокна занимает четвертое место в мире, опережая Англию, Италию, Францию. К концу десятой пятилетки его производство удвоится.

Институт наш молод. Ему всего лишь полтора десятка лет. Но за это время им проведен комплекс исследований, которые обеспечили техническое перевооружение многих предприятий. В предыдущем пятилетии, например, нами реализованы работы по созданию производств полиамидного корда в Даугавпилсе, Кемерове, Чернигове, Курске, Житомире. Страна получила дополнительную продукцию для выпуска высококачественных шин, приводных ремней, транспортерных лент, рыболовных сетей и снастей, различных видов текстильно-галантерейных изделий.

На Могилевском производственном объединении «Химволокно» нами внедрен разработанный в институте новый способ получения нетканых материалов. Это позволило отказаться от импортных закупок дорогого материала, идущего, в частности, на изготовление фильтров к автомобилю «Жигули».

До сих пор у нас в стране не было предприятий, производящих поливинилхлоридное волокно, обладающее ценнейшими свойствами. Его можно использовать для фильтрации агрессивных сред и для изготовления очень красивого искусственного меха, войлоков различного назначения. Белье, изготовленное из поливинилхлоридной ткани, обладает лечебными свойствами. При ношении на его поверхности возникают небольшие электрические заряды, которые благотворно влияют на организм. Технология получения нового волокна разработана у нас в институте. В десятой пятилетке будет налажено его промышленное производство.

А теперь об основных задачах, над которыми работает наш коллектив сегодня. Главные из них — разработка высокопроизводительных технологических процессов с использованием новых видов сырья с высокой степенью автоматизации, совершенствование уже известных свойств синтетических волокон, создание волокон с принципиально новыми качествами. Ведь развивающееся народное хозяйство выдвигает все новые требования к ним. В частности, необходимо создать волокнистые материалы очень высокой прочности, способные выдерживать высокие температуры; волокна, проводящие электроток, пропускающие свет. Представьте себе, например, купальный костюм, под которым кожа загорает так же равномерно, как и остальное тело.

Большое внимание в институте уделяется проблемам защиты окружающей среды — проблемам очистки стоков, вентиляционных выбросов, создания замкнутых водооборотов. В этой связи хочется сказать о разработке ионообменных волокон. Их применение позволит эффективно очищать сточные воды от примесей ртути, свинца. А это значит, что такие дорогостоящие металлы можно будет утилизировать.

Многие исследования выполняются по координационным планам с институтами Польши, Болгарии, Венгрии. Особенно плодотворные контакты развиваются у ученых нашего института со специалистами ГДР. Наш институт планирует расширять международное сотрудничество.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АНАТОЛИЙ НОВИКОВ

Л. ЛУКЬЯНОВА

Идисей Дафе, руководитель молодежного хора из Африки, рассказывал, как они у себя на родине вначале услышали только мелодию песни. Одну только мелодию. Правда, еще им была известна фраза: «Эту песню не задушишь, не убьешь!». В хоре не знали, кто привез к ним слова и мелодию, но прижилось это мгновенно, потому что они сочинили свои слова. «Мы рассуждали так,— говорил Идисей.— Какую песню нельзя убить? Ту, которую поют все. А какую песню захотят петь все? Только ту, где говорится о том, что всего дороже людям... Потом, после Будапештского фестиваля, мы узнали подлинный текст песни. И знаете что удивительно? Многое в нашем тексте совпало. Не в словах, конечно, а по смыслу».

Автор этой песни-гимна, песни, в которой поется о том, что всем людям дорого,— народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, композитор Анатолий Григорьевич Новиков.

Какая-то магия заключена в музыке... Почему люди другой страны, другой части света, никогда не видевшие русской земли и неба, не знавшие нашей войны, не видевшие нашей разрушенной страны, танков со свастикой, услышали в музыке, сочиненной уроженцем Рязанщины, слова о мире? Вспомните «Гимн демократической молодежи мира», стихи, написанные Львом Ошаниным. Но вспомните одну только мелодию и услышите: добрые люди живы единением...

— Учился я в начальной школе, пошел петь в хор дискантом. А где тогда была филармония? В церкви,— улыбается Анатолий Григорьевич,— нас там учили и смычком пользоваться и по нотам петь. Мы пели сложнейшие, красивейшие вещи: ведь и церковная музыка тоже народом создавалась, его историей. И в семье у нас пели. Да по-настоящему, по голосам.

Все вокруг «работало» на будущего композитора. И семья, где знали и любили песню, и хор, куда нелегко было попасть,— отбирали одаренных. И песни девушек, работавших на полях возле города Скопина, на окраине которого стоял дом Новиковых. И песни солдат стоявшего рядом 140-го Зарайского пехотного полка... Анатолий Григорьевич считает, что он удачлив: все вокруг словно для него пели... Но сколько еще мальчишек в России слушали протяжное пение работавших на полях женщин, заглядывались на маршировавших с песней солдат, засыпали под тихие напевы матерей, трудившихся до глубокой ночи?.. А композитором стал Анатолий Новиков. Потому что талантлив? Несомненно. Но только ли поэтому? Новиков считает, что ему повезло, он, художник, сочинивший знаменитую песню о труде, приносящем счастье,— «Марш коммунистических бригад», еще мальчишкой слышал и запомнил, как поют товарищи отца по кузнице; запомнил потому, что сам в тринадцать лет пришел работать в эту кузницу. Пожалуй, в этом его «везение» и заключается. В том, что он трудится всю жизнь.

На мой вопрос о соотношении таланта и труда Анатолий Григорьевич отвечает: на одном таланте никуда не уедешь. Это вещь яркая,— вспыхнул и нету. Сгорел.

Его, Новикова, талант трудом выбирал из окружающего мира: вот это пригодится, а это не нужно... Прозрачные детские голоса хора помнятся ему и сейчас.

Мне странно: я не верю, что девятилетний мальчик мог понять, что хорошо, а что плохо.

— А ничего понимать и не надо,— как будто даже сердится Анатолий Григорьевич.— Мы были так напитаны хорошей музыкой, что не воспринимали плохую, пошлую. Когда в вас прочно сидят вещи эталонные, то нечего и понимать: все и так ясно...

Вряд ли все так просто сложилось, но, видно, сама народная природа его дарования заслоняла от него все ненужное, наносное. И показывала ему: вот оно, тебе необходимое. Этим необходимым стала для Новикова русская песня. Творчество Новикова вобрало в себя и протяжную напевность баллад, и звонкую удаль частушек, радость и грусть, свободу и глубину русской песни.

Песня, ставшая гимном молодежи всего мира, песня о военных дорогах, ставшая народной, и еще песни, песни, песни, которые пели тридцать лет назад и поют сегодня, как, например, «Смуглянку». Поют и будут петь. За этой внешней легкостью и удачливостью — труд и труд. Но в истинном мастерстве заметен не труд, а лишь его итог: прекрасный и высокий.

От «дежурного» вопроса, который всегда задают журналисты: чем бы вы занимались, если бы не стали композитором? — Анатолий Григорьевич как-то даже опешил несколько, потом, отрицательно покачав головой, заметил: «Это трудно сказать. Сейчас-то уж, конечно, трудно сказать». Хотя на этот дежурный вопрос обычно следует стандартный ответ: мол, ничем, кроме того, чем занимаюсь. А для Новикова настолько естественна его жизнь в песне, в музыке, что он даже не считает нужным в этом убеждать: для него невозможна сама постановка такого вопроса. Потому он и растерялся.

Возвышенная простота таланта позволила написать песню, своей уверенной силой равную лучшим народным песням. Это «Дороги».

В одной из своих статей Анатолий Новиков написал: «Ведь каждая песня — не просто ноты, а кусок сердца...» Вот в этом, наверное, и заключается великая магия музыки.

С. Чуйков. Род. 1902. КОМСОМОЛКА. 1934.

Киргизский государственный музей изобразительных искусств. Фрунзе.

Г. Айтиев. Род. 1912. СЕРЕБРИСТАЯ ДОЛИНА. Киргизский государственный музей изобразительных искусств. Фрунзе.

В. Образцов. 1891—1934. СЛУШАЮТ РАДИО.

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

МАРУСИН ПОВОРОТ

«Есть женщины в русских селеньях...
. . . .
В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет,— спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!»

Н. Некрасов.
«Мороз, Красный нос».

Поезд прибыл из Москвы в Симферополь. Из раскаленных от жары вагонов пассажиры высыпали на перрон. Их приветливо встретили людские улыбки, цветы и южное солнце.

Белое, в стройных колоннах здание железнодорожного вокзала выглядит празднично. Отпускники спешат к автобусам: хочется побыстрее добраться до моря.

Нашим водителем оказалась очень милая женщина с короткой стрижкой густых, темных, с проседью, волос. Над синими глазами змейками изогнулись тонкие черные брови. Слегка располневшую фигуру плотно облегали модные джинсы и белая трикотажная кофточка в синий горошек. Видно было, что ей за сорок.

Несколько минут она наблюдала в зеркало, висевшее над лобовым стеклом кабины, как пассажиры рассаживались в автобусе. Затем наклонилась к микрофону над приборным щитком, спокойно произнесла:

— Прошу внимания! Разрешите приветствовать вас на легендарной крымской земле. Меня зовут Мария Ивановна. Если хотите, я буду вашим гидом в пути.

Мы с радостью согласились. Машина дрогнула и покатилась по широкой серой серпантиновой ленте асфальта.

Дороги... Сколько вас? Где вы только не проложены! Путь от Симферополя до Ялты — новая асфальтированная трасса с постоянно курсирующими троллейбусами и комфортабельными автобусами.

Машина мягко шла по шоссе, каждым поворотом как бы листая страницы истории... Всего одна дорога, а сколько судеб, событий!

Отшелестело волнами Симферопольское водохранилище, и вскоре показались домики деревни Горки с домом-усадьбой, где бывала у своего дяди революционерка Софья Перовская, принимавшая участие в подготовке покушений на царя Александра II.

А впереди уже деревня Монетная. У подножия скалы — развалины древней стены ханского монетного двора, творения конца XV — начала XVI века.

Мария Ивановна рассказывает о каждом памятнике и событиях, связанных с ними:

— За тридцатым километром — выход на Ангарский перевал. Слева — нагромождения скал и вид на гору Демерджи с выступом, похожим на женскую голову. Так и называют ее: «Голова Екатерины».

Вскоре машина остановилась у фонтана-памятника Михаилу Илларионовичу Кутузову. Наш гид проявила себя как большой знаток истории и подробно рассказала о молодом подполковнике Кутузове, храбро сражавшемся в этих местах. Неподалеку от Алушты он был тяжело ранен в голову, тут и лишился глаза.

— Вы случайно не историк? — поинтересовались мы.

— Нет. Я просто шофер. Здесь родилась, здесь выросла. С детства исходила весь Крым.

Едем дальше и вскоре замечаем: ниже уровня нашего шоссе очутилась вдруг старая дорога, петлявшая то слева, то справа от нас, местами исчезая в горных зарослях.

— Смотрите! — показал кто-то на крутой поворот узкой петли дороги.— Почти как «тещин язык».

— Это Марусин поворот,— пояснила Мария Ивановна.

Мы посмотрели вниз. Здесь не зевай, шофер, не то твоя ошибка будет последней!

— Почему Марусин?

— В народе живет легенда о девушке Марусе.

— Расскажите! — попросили мы.

Женщина слегка задумалась и начала рассказ:

— Жила-была одна обыкновенная рабочая семья. Отец семейства работал в Симферополе на автобазе шофером. Человек он был тихий, трудолюбивый, и была у него дочь Маруся. Училась она в школе, в десятом классе. Отец очень любил Марусю, мечтал увидеть ее учительницей.

Началась война, отец ушел на фронт. Маруся оставила школу и стала учиться на шофера: решила заменить отца на автобазе. Докатилась война и до Крыма. Гитлеровское командование, оценивая стратегическое значение Крымского полуострова, выделило для захвата Крыма армию Манштейна совместно с румынским горнострелковым корпусом. Познал наш народ «западную цивилизацию» — горе да слезы, смерть да разруху принесли нам фашисты.

В автобазе устроили немцы гараж, а Марусю там уборщицей поставили. Иногда, зная, что она шофер, и машину ей доверяли: какую-нибудь старенькую полуторку для вывоза мусора со двора.

По-разному тогда относились к ней люди: никто не знал, что задумала Маруся.

В один из зимних вечеров, под самый Новый год, решили гитлеровские офицеры поехать в Алушту, повеселиться. А на дворе метель разыгралась: ни зги не видно. Надумали фашисты Марусю проводником с собой взять: дорога опасная, а она местная — каждый бугорок, каждый поворот здесь знает.

Перед дорогой забежала Маруся домой переодеться. Все лучшее на себя надела, праздничную шаль в цветах на голову повязала, а перед уходом бросилась к матери на шею и слезами залилась.

— Не брани меня, мама! Жива буду — свидимся, а что случится, не поминай лихом! Человеку одна жизнь дана, и прожить ее надо, как нас всегда учили,— с пользой. А отцу на фронт напиши, что не посрамлю нашей фамилии: ни вам за меня краснеть не придется, ни люди плохого слова обо мне не скажут!

Еле вырвалась Маруся из материнских объятий, бежала от родного дома не оглядываясь.

Не появлялась раньше Маруся такой нарядной. Фашисты засуетились вокруг нее, потирая руки.

— О, какой красивый барышня! — восхищенно произнес обер-лейтенант Вальтер Бреннер.— Ты будешь мой партнер. Я есть кавалер, ты есть мой барышня. Танго, фокстрот... Понимаешь?

— Понимаешь, понимаешь,— ответила Маруся, а сама подумала: «Скоро вы поймете, что такое русские женщины, это вам не барышни!»

Марусю посадили в кабину к водителю. Машина тронулась, и немцы весело запели под губную гармошку.

Новенький, крытый брезентом грузовик LK-2013 катил неторопко. Прижавшись лицом к лобовому стеклу, Маруся всматривалась в дорогу. Желтый луч фар еле пробивал мириады колючих снежинок, летевших навстречу машине. По памяти знала Маруся, когда появится тот или иной поворот, и показывала направление. Молодой шофер искоса поглядывал на нее, повторял: «Гут, гут!» — и послушно сворачивал грузовик то вправо, то влево.

Наконец она дала знак остановиться. Ма-

шина затормозила, вильнув на скользкой дороге. Маруся выпрыгнула из кабины и позвала Бреннера.

— Что есть здесь? — спросил он строго.

— Разрешите, я сама дальше поведу машину.

— Найн, найн! — запротестовал офицер.— Ганс корошо знает автомобиль.

— Автомобиль он знает, а дорогу нет. Здесь начнутся крутые повороты, и нужно быстро-быстро думать, а он все время смотрит на меня.

— Гут, корошо! Я буду с тобой в кабине.

Бреннер приказал Гансу перебраться в кузов, а сам занял Марусино место. Маруся села за руль. Повернула ключ зажигания, выжала сцепление и включила передачу. Машина завелась. Она нажала на газ, и машина плавно тронулась с места.

— Корошо, корошо, Маруся! — одобрительно закивал головой Бреннер.

Маруся прибавила скорость. Машина, петляя, скользила по шоссе. Стрелка на спидометре поползла вверх. Бреннер встревоженно стал поглядывать то на Марусю, то на спидометр.

Лицо девушки было напряжено, руки цепко впились в баранку. На миг свет фар скользнул по верхушкам заснеженных деревьев на противоположных склонах гор. Впереди выросла черная пустота. Машина резко повернула вправо и свалилась в пропасть...

На другой день в снегах Ангарского перевала нашли искореженную машину и трупы фашистов. Как ни искали, но среди мертвых Маруси не оказалось.

Разные слухи ходили в народе: одни сообщали, будто ей удалось спастись и уйти к партизанам; другие утверждали, что добралась Маруся до Красной Армии и с боями продвигалась на Берлин и где-то там, на чужбине, погибла в бою, как герой; третьи поговаривали, что жива и здорова Маруся, вернулась после войны в родные места, но из-за скромности молчит и не дает о себе знать. Одно известно, что по немецким архивам погибшей в катастрофе она не числилась.

— А как же мать Маруси? — спросил кто-то.

— Ее арестовали и допрашивали, а затем повесили. Перед смертью она крикнула: «Люди, не забывайте Марусю, она отомстила за ваши слезы, как могла!»

Рассказ окончился как раз перед въездом в Ялту. Мы сидели притихшие, каждый представлял себе Марусю и, наверное, думал: «Сколько же их, Маш, Марусь, Марий — милых, терпеливых, выносливых женщин, пожертвовавших собой ради жизни других? Ненависть к врагу рождала в них отвагу, побуждавшую совершать подвиги бессмертия. Погибли или живут они, высшей наградой им служит память в людских сердцах».

Автобус подкатывает к санаторию. Мы благодарим водителя, прощаемся и по тенистой аллее идем к главному корпусу. Разместившись в мягких креслах прохладного вестибюля, почувствовали, что устали мы изрядно.

Началось традиционное оформление: путевка, курортная карта, паспорт. И тут одна девушка, спохватившись, воскликнула:

— Товарищи! Так ведь нас везла сама Маруся, Мария Ивановна! Как же мы сразу не догадались? Скажите,— обратилась она к медсестре,— женщина, водитель автобуса, что привезла нас, не бывшая партизанка?

— Возможно. У нас многие женщины уходили в горы к партизанам.

— Но ее зовут Мария Ивановна. Это не та ли Маруся, именем которой назван поворот на старой дороге?

— Может быть,— спокойно ответила медсестра.— А может быть, и нет... Разные легенды ходят о Марусе.— Обратившись ко мне, она проговорила: — Ваша комната тридцать пятая, пройдите по коридору налево...

И, отложив мои документы в сторону, произнесла:

— Следующий!

ПЕВ

Максим ТАНК

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

Расти, мой сыночек, скорее расти,
Расти, чтоб отцовской тропой уйти
В сосновый бор, в партизанский бой,
Против угрозы, грозы любой.

Что ж я не вижу тебя, сынок?
Может, засыпал тебя песок,
Скрыла блокады глухая ночь,
И мать не в силах тебе помочь.

Сыночек, пока я тебя найду,
Хоть убаюкаю нашу беду,
Заколыхаю огонь и дым
Над хатой, над лесом, от горя седым.

Усните, беды, под мой напев,
Но пусть не дремлет наш горький гнев.

У ПОДНОЖЬЯ ОХАС ДЕЛЬ САЛАДЫ

— Отчего так сгорбились горы?
— Это не горы, это плечи моих предков, —
Ответил чилиец,—
Они несли на плечах
Свою горестную судьбу
К океану,
Чтобы ее утопить.
Но, увы, не дошли...
Теперь мы живем надеждой
Осуществить их желание.

●

Я спросил человека,
Который прошел
Сквозь огонь,
И воду,
И медные трубы:
— Что труднее всего?
И он ответил:
— Пройти через верность.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

В суровую пору, в года штормовые,
В неведомом, богом забытом селе,
Под сердцем своим полевая Россия
Взрастила тебя на рязанской земле.

Дала тебе взор синевы несказанной,
Талант соловьиный, раскованный слог,
Твой ласковый нрав укрепила дерзаньем
Чтоб ты рассказать о судьбе ее смог.

О том, как страдала она и любила,
Ища избавленья от горя и зла,
Как сеяла хлеб на полоске унылой
И в ленинской мысли спасенье нашла.

И всем рассказал ты с любовью сыновней
Об участи матери кровной твоей,
Слова находя под соломенной кровлей,
Средь шумных лесов и безмолвных полей.

Творенья твои широко зазвенели,
Как светлые струи весенней Оки,
И в каждой душе отдается доселе
Певучее эхо высокой строки.

УЧЕЕ ЭХО

НА РЫБАЛКЕ

Памяти Михася Лынькова.

— Михась!
Окошко закрыто.
Неужто он еще спит?
А заря в своей лодке
Уже отплыла от Пасынок,
Она работает веслами
И движется к нам по Нарочи.

— Ми-хась!
Неужели забыл он,
Что сегодня задумали мы
Попытать рыбацкого счастья?
А может, он до зари
Беседовал задушевно
С героями будущей книги
И только под утро
Сморил его сон?

Но ведь прежде,
Когда мы сговаривались,
Он, что бы там ни было,
Загодя собирался,
Готовил рыбачью снасть,
Блесны и спиннинги,
Сачки и грузила.

(Среди них попадались мудреные,
Когда-то им привезенные
Из Америки или Азии.
Нарочанские щуки
Взирали на них с удивлением
И... отходили в сторонку.)

Он прятал в своем суденышке
Припасенные сигареты,
Чтоб не дознались домашние.
(Врачи курить запретили.)
Потом он сосредоточивался
И учинял экзамен
Лодочному мотору,
Который плевался дымом,
Который чихал, огрызался, хрипел,
Как голодный щенок, у которого
Отбирают вкусную кость.

А может,
Мы с ним разминулись,
И Михась уплыл на моторке
В сторону Гатовских тоней,
Один-одинешенек...
Окликну еще разок
И отправлюсь на поиски.

●

Кто ж это вынес такое решение,
Несправедливое, бесповоротное?
Все праздники достаются тебе,
А мне — одни хлопотливые будни.
Тебе — все утехи и радости,
А мне — угрызения ревности.
Тебе все права и все приговоры,
А мне — напрасные апелляции.
Тебя одарили загадками,
А мне отгадки остались.

●

Найти подкову — это к счастью.
И я нашел подкову
Бронированного коня —
Танковый трак.

Хотел приладить находку
К дверной притолоке,
Но сразу вспомнил былое,
Все в огне и в дыму.

И я отнес кузнецу
Неожиданную находку,
Чтоб он превратил ее снова
В мирный лемех
Или в простую подкову.

●

Никогда прежде
Не наряжали тебя, мама,
Так празднично, как сегодня,
Словно на ярмарку
Или в гости к родне.

Никогда прежде
Так высоко
И в такой славе
Ты не ехала, как сегодня.
Встречные останавливались
И обнажали головы,
И даже груженые самосвалы
Уступали тебе дорогу.

Никогда прежде
Не было в нашем доме
Так холодно,
Так сиротливо,
Так темно,
Как нынче,
Хотя выдался день
Многолюдный,
И ясный,
И теплый.

●

Однажды бедняку приснился пир,
Но вот беда — за столом не оказалось ложки.

Когда же на следующую ночь
Он положил под подушку
Большую ложку —
Сон, увы, не повторился.

Такой же казус
Случается и со мной.
Встретив тебя во сне,
Чтобы ты не исчезла,
Я теперь запираю дверь,
А ключ кладу под подушку.
Но ты, догадавшись об этом
(А может, кто-нибудь предупредил?),
Теперь и во сне
Остерегаешься появляться.

ПРИЗНАНИЕ, ВЫРЕЗАННОЕ НА КЛЫКЕ МОРЖА

Если будешь ты и впредь
Озоровать,
Каждый день затменье солнца
Затевать —
Откочую далеко,
За сотню рек.
Так советует
Бывалый человек.

Говорят, за Индигиркой
Есть шаман.
Он заклятьями развеет
Ночь, туман.

Я за это
Все отдать ему готов —
И оленя,
И серебряных песцов.

Чтоб восход
Родного солнца увидать,
Чтоб глаза твои
Светили мне опять.

КОРМЯТ СЕРЕЖКУ

Первая ложка — за мамины ласки.
Вторая — за отцовское: «Гуль-гуль-гули...»
Третья — за бабкины добрые сказки.
Четвертая — за жалейку дедули.
Пятая — за петушка чубатого.
Шестая — во здравие кота-мурлыки.
Седьмая — за жаворонка над хатою,
Восьмая — за рассвет ясноликий,
За доброе утро на улице нашей...

На том и кончается мисочка с кашей.

●

Выпал первый чистейший снег.
Радуются детишки,
Строят белые замки,
Лепят сказочное чучело,
Разрисовывают первопуток
Белыми следами лыж
И сапожек.
Но кто-то вынес ковер
И стал из него выколачивать
Пыль вчерашних понятий,
Изъеденных молью взглядов,
Давно устаревших споров.

И сразу
Снег посерел,
И смех ребячий
Улегся.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Бог поэзии,
Ты, говорят, из числа всемогущих,
Но зачем ты бессмертием
Одаряешь любимцев своих?
Ведь потом за любую строку,
За испытанный стих
Отвечать им приходится
Даже в заоблачных кущах.

Не дают им житья,
Обложили их вечною данью.
Эпигоны, биографы,
В дни знаменательных дат,
Прикрывая бессилье свое
Ворохами цитат,
Рвут великих на части,
Таскают их на заседанья.

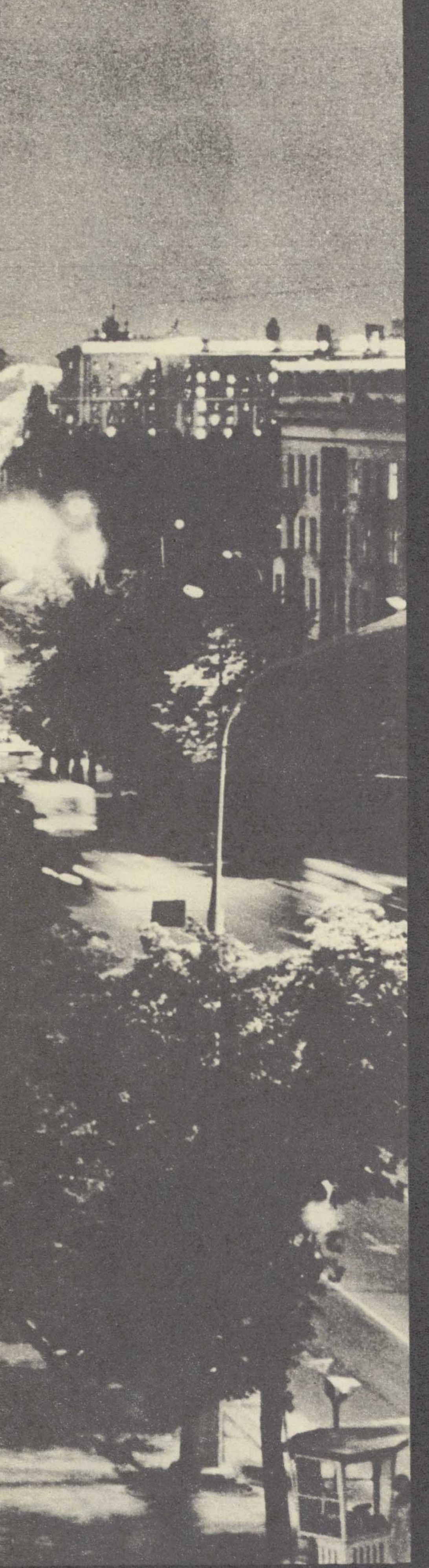
Ты бессмертных снабдил бы
Охранною грамотой, боже.
(Самый скромный газон
Обеспечен защитой такой.)
Огради же своих подопечных,
Верни им покой.
Пусть никто без особой нужды
Не тревожит их,
Боже.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Они с камвольного комбината — Герой Социалистического Труда, прядильщица З. М. Бычковская, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета БССР, и ткачиха Л. А. Ротынская.

Площадь Победы.

ЛЮБЛЮ ТЕБ

На заводе электронных вычислительных машин имени Орджоникидзе — пересменка.

Новый кинотеатр.

Я, МИНСК

Фото А. Мызникова

Иван ЩЕРБАКОВ,
шофер минского такси
Фото И. ТУНКЕЛЯ

На бумаге рассказываю о Минске в первый раз, хотя устно делаю это чуть ли не каждый день. С кем, с кем, а с нами, таксистами, приезжие люди общаются, как правило, в первую очередь. И, естественно, всегда расспрашивают, как живет наш Минск. Часто они просят познакомить их с городом, показать самое интересное. Я везу тогда наших гостей на площадь Победы, где горит Вечный огонь в память погибших за свободу Родины, на Партизанский проспект, в новые микрорайоны, к Дворцу спорта, к зданиям с мемориальными досками, к дому, где заседал Первый съезд РСДРП...

Я рассказываю им о городе. Они удивляются. И я каждый раз удивляюсь вместе с ними. В году столько же дней, сколько было всегда, и в сутках все те же двадцать четыре часа. А как много мы стали успевать! За последние годы в Минске пущены десятки заводов, городская «диагональ» удлинилась в три раза — в шестидесятые годы из конца в конец было всего семь километров. В девятую пятилетку возведены новые микрорайоны, а старые — Зеленому лугу нет еще и двух десятков лет, а мы уже считаем его старым — трудно узнать. Город стал совсем иным. Открылся в Минске институт культуры; обжито новое здание аэровокзала; появились кинотеатры «Октябрь», «Современник», «Вильнюс»; почти готов крытый рынок.

Мне приятно говорить людям о том, как возрос минский вклад в индустриальное богатство Родины. Где сейчас не знают белорусские тракторы и грузовики, электронные вычислительные машины, станки, телевизоры?..

Когда заходит речь о благосостоянии минчан, я всегда привожу пример с автомобилями. Уж мы-то, шоферы, как никто, чувствуем, насколько увеличился поток автомашин — и на улицах и за городом. Нам, конечно, немало усложняют жизнь эти разноцветные малолитражки. Однако мы не сердимся, а лишь радуемся за людей — по себе знаю, как приятно в свободный день посадить в «Жигули» жену, детей и поехать куда-нибудь в тихий лес, в заповедное грибное местечко, к реке...

Пожалуй, никто, кроме нас, таксистов, не ощущает так явственно размах жилого строительства — ведь к иным новым домам не ходят еще ни автобусы, ни троллейбусы, ни трамваи, тут главный транспорт — мы! То везем молодых супругов, то ветеранов труда. Сперва они едут смотреть дом, потом квартиру, и наконец — новоселье! И тут не останешься равнодушным, видя, как хорошо устраиваются люди, какие у них безграничные возможности для достижения настоящего человеческого счастья.

Сколько раз я слышал от гостей Минска о том, что у нас здесь хороший народ, душевный, отзывчивый и приезжать к нам приятно. Наверное, это естественно; и, разумеется, встречаясь с приезжим человеком, всегда чувствуешь себя не просто жителем этого города-героя, а представителем республики. И тут уж мы в ответе за ее высокий авторитет!

Помню случай, в общем-то не из ряда вон выходящий, а вполне характерный для нашей работы.

Поздно вечером в аэропорту ко мне сел мужчина, попросил отвезти в поселок «Северный» и сказал, что десять лет не был в Минске, живет сейчас на Дальнем Востоке, приехал к брату, но вот беда — адрес потерял. И попросил: давайте поездим по поселку, авось, узнаю дом. Колесили мы с ним часа полтора, но нужного дома в темноте он так и не нашел. Слишком уж похожи ночью улицы, переулки, дома. Поехали в гостиницу — мест нет. И в другой и в третьей — то же самое. Закономерность это, что ли,— чем больше в городе гостиниц, тем больше и гостей! Я ему предлагаю: давайте уж ездить вместе до конца смены — мне что-то около часа оставалось,— а потом поедем ко мне ночевать.

— Неудобно!— говорит.

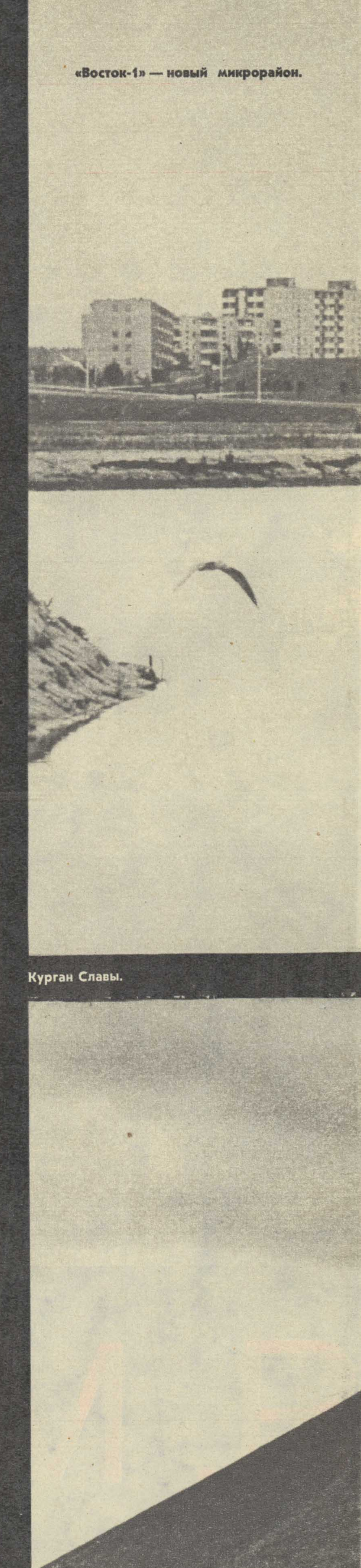
— А вы думаете, мне удобно оставить вас ночевать на улице? За кого вы меня принимаете?

Само собой разумеется, привез его к себе.

Днем, конечно, и дом тот обнаружился, и брат нашелся, и все устроилось. Заезжал потом этот человек поблагодарить меня. А за что, спрашивается? Гостеприимство — это же один из лучших наших обычаев...

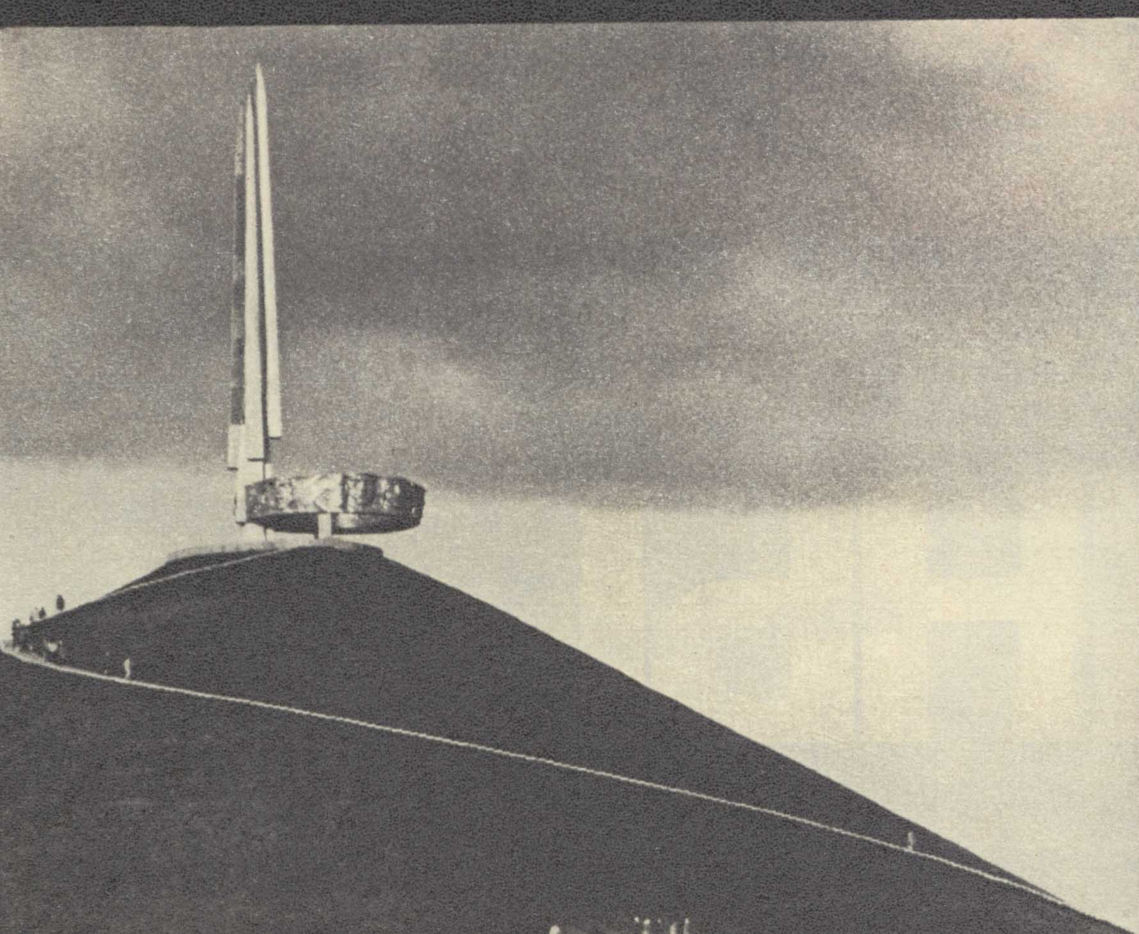
Я как член коллектива, которому доверена одна из главных служб в столице, внимательно присматриваюсь к новичкам, что приходят к нам работать. Мы берем теперь водителей в основном со средним образованием, обязательно обращаем внимание, как они себя держат: по ним же люди будут судить об уровне культуры нашей столицы. И то, что мне и моим товарищам это небезразлично,— тоже характерная черта для нынешнего Минска. Он много выстрадал и много сумел сделать, этот древний и современный город, много получил от своей доброй и требовательной державы и много дал ей. Он заслужил право называться городом-героем.

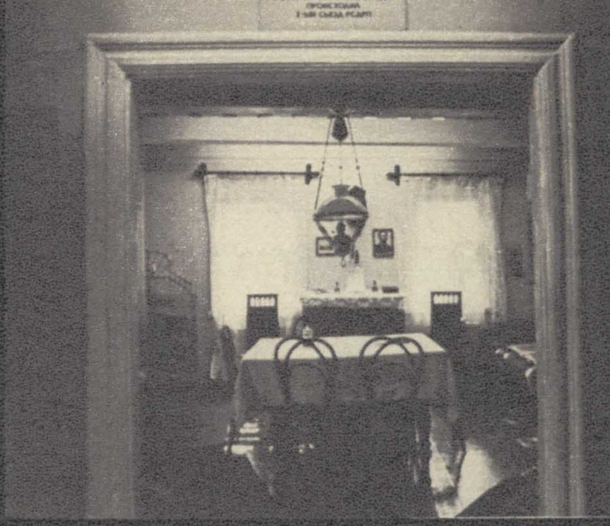
За все это мы любим его и делаем все для того, чтобы он чувствовал эту нашу любовь во всем, каждый день, каждый час.

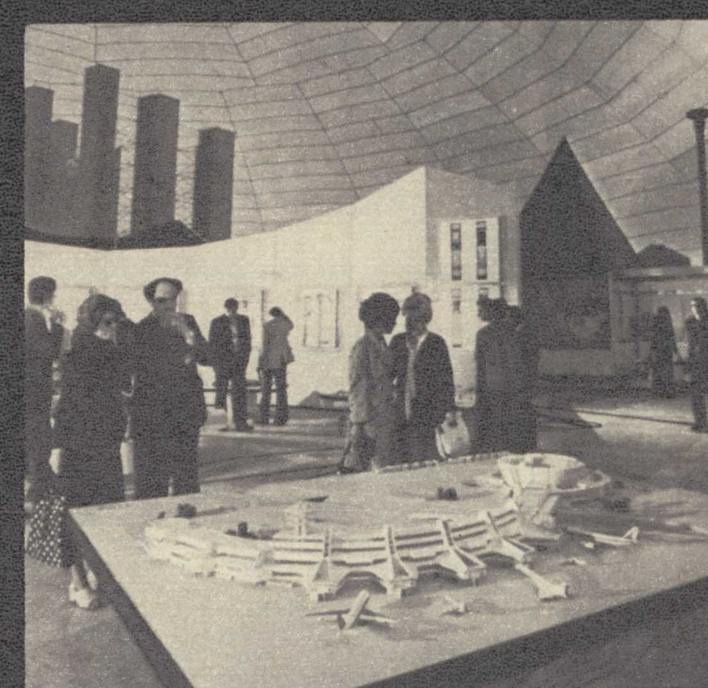
«Восток-1» — новый микрорайон.

Курган Славы.

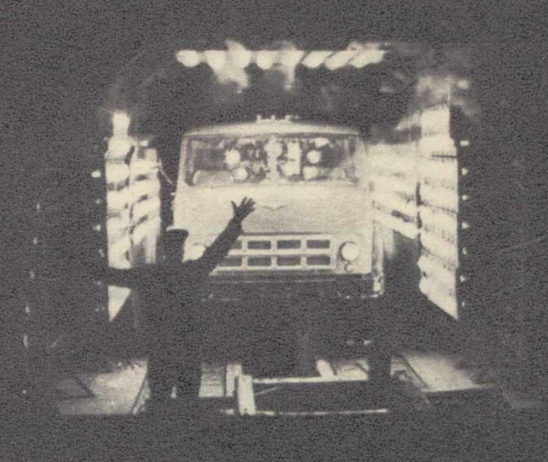

Здесь заседал I съезд РСДРП.

На строительной выставке — настоящее и будущее Минска.

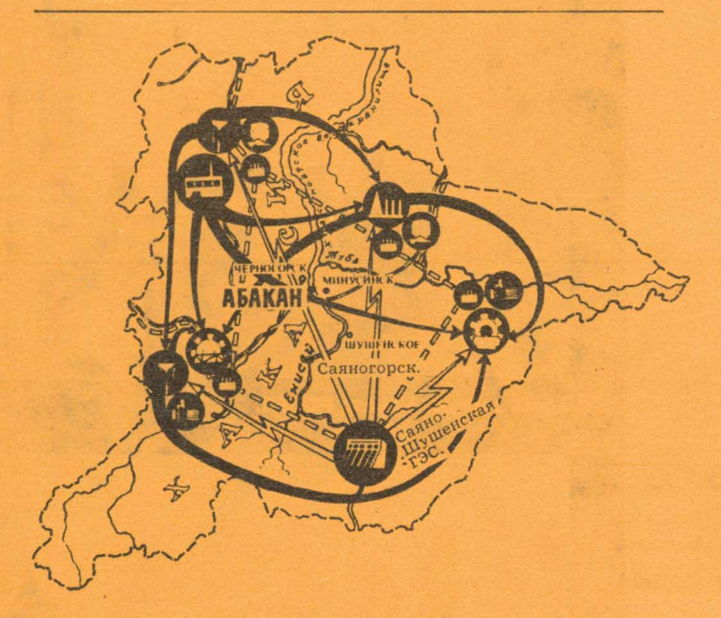
Родился еще один «МАЗ».

Жаркий бой на стадионе «Динамо».

адреса великих свершений

РАЗБУЖЕННЫЕ САЯНЫ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото А. ГОСТЕВА,

специальные корреспонденты «Огонька».

Кто однажды видел Саяны, у того навсегда сохранится восторг пред величием природы и восхищение дерзновенными замыслами и мужеством человека, овладевающего ее сокровищами. Первый раз мы были здесь пять лет назад («Огонек» № 39 за 1971 год). В ту пору только зарождался Саянский индустриальный регион. В апреле 1971 года с трибуны XXIV съезда КПСС впервые прозвучало: «Приступить к формированию Саянского территориально-производственного комплекса в составе Саянской ГЭС, алюминиевого и вагоностроительного заводов, крупного завода стального литья, предприятий по переработке цветных металлов, предприятий электротехнической, легкой и пищевой промышленности».

Стремительно промчалось время, отмеренное девятой пятилеткой. И вот XXV съезд КПСС снова принимает решение по Саянскому комплексу: «Продолжить развитие Саянского территориально-производственного...». Партия настойчиво направляет усилия народа на создание Саяно-Шушенской ГЭС, Саянского алюминиевого завода, Минусинского электротехнического комплекса, Абаканского вагоностроительного завода. Четыре стройки из одного региона занесены в «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», и каждая из них в ряду самых крупных не только в нашей стране, но и в мире! Четко определены конкретные задачи на текущее пятилетие: ввести в действие первые агрегаты ГЭС, первые корпуса электролиза, построить первую очередь электротехнического комплекса, продолжить строительство завода вагонов и контейнеров.

ЖДЕМ МОЛОДЕЖЬ!

— Какие же изменения произошли на юге Красноярского края за минувшие пять лет? Как вписывается в берега Енисея та новая жизнь, что символически обозначена на картах и схемах шестеренкой, ковшом и вагоном?

С этими вопросами мы обратились к первому секретарю Хакасского обкома партии А. И. КРЫЛОВУ.

— Изменения за минувшую пятилетку произошли большие — уже обрисовывается контур новых Саян. В чем их особенность? Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС не случайно подчеркнул, что с созданием Саянского комплекса намечается принципиально новый этап в освоении производительных сил Восточной Сибири,— сказал А. И. Крылов.— Дело в том, что любой другой район ориентируется главным образом на одну отрасль промышленности. А у нас на первом этапе завязан не один, а пять промышленных узлов. Потом их будет больше. Словом, многоплановый комплекс. Вот главные его направления: электроэнергетическое, электроемкие цветная и черная металлургия, машиностроение, в том числе тяжелое, крупная легкая и пищевая промышленность. Наш регион — это более ста заводов и фабрик, органично связанных друг с другом и соседними областями, опирающихся на самое широкое использование местных сырьевых ресурсов. Исключение составит алюминиевый завод, он будет работать на привозном сырье. Однако и его продукция, так же как и других металлургических предприятий, пойдет с левого берега на правый, где под Минусинском создается гигант электротехнического машиностроения. Или возьмите другие направления. Тонковолокнистая шерсть — богатство Хакасии. У нас построен камвольный комбинат, но не было шерстемоечной фабрики. Руно из Хакасии возили в Улан-Удэ и на Брянщину, а потом обратно. Необходимость в этом отпала. В девятой пятилетке вошла в строй первая очередь фабрики первичной обработки шерсти. Шерсть теперь идет прямо на камвольно-суконный комбинат, крупнейшую в стране перчаточную фабрику, что построена в Минусинске в девятой пятилетке, на трикотажные предприятия. Снова цикл замкнулся. Еще один пример — тяжелое машиностроение. Я имею в виду Абаканский вагоностроительный завод. Снабжать его металлом будут Новокузнецк и заводы Урала, позднее — и свой очень крупный завод стального литья. Индустриализация региона изменит не только его экономику — произойдут глубокие социальные перемены: резко возрастет городское население, появятся десятки профессий, которых здесь раньше никогда не знали.

— Алексей Иванович, решился ли вопрос с размещением электрометаллургического завода? Вначале предполагалось, что он будет на правом берегу Енисея, в районе Курагино.

— Было такое мнение — к счастью, его не поддержали. Возле Курагино есть село Большая Иня. Это пойма реки Тубы. Прекрасные черноземы, десятки тысяч гектаров угодий, которые не уступят кубанским. По числу солнечных дней — Крым. Кое-кто предлагал совсем несусветное — вырубить леса, распахать землю. Совет по изучению производительных сил своевременно и категорически воспротивился. Надо беречь природу, ее щедрые дары, особенно у нас. Юг Красноярья — житница Восточной Сибири. Электрометаллургический завод будет размещен, по-видимому, в центральной Хакасии, на непригодных для сельского хозяйства землях.

— Пять лет назад комитеты комсомола буквально не успевали отвечать на письма и запросы — так много было желающих приехать сюда, на стройки, в частности на Саяно-Шушенскую ГЭС...

— В девятой пятилетке были сделаны лишь первые шаги по созданию комплекса. Чтоб достигнуть ему зрелости, нужно не меньше трех пятилеток. Сейчас даже трудно представить себе, какой станет здесь сибирская земля. Темп работ неуклонно нарастает. Тут будет жить намного более миллиона человек. Понадобится очень много рабочих рук. Это чувствуется уже сейчас, а особенно остро — в зимние периоды. Летом нас выручают студенческие строительные отряды. В этом году работало свыше двух с половиной тысяч человек. Не могу не выразить благодарность ректоратам Московского высшего технического училища имени Баумана, Московского энергетического и Таганрогского радиотехнического институтов. Нам молодежь очень нужна. Так и напишите: пусть едут к нам юноши и девушки, романтики тут сколько угодно. Саяны ждут!

ПЛОТИНА

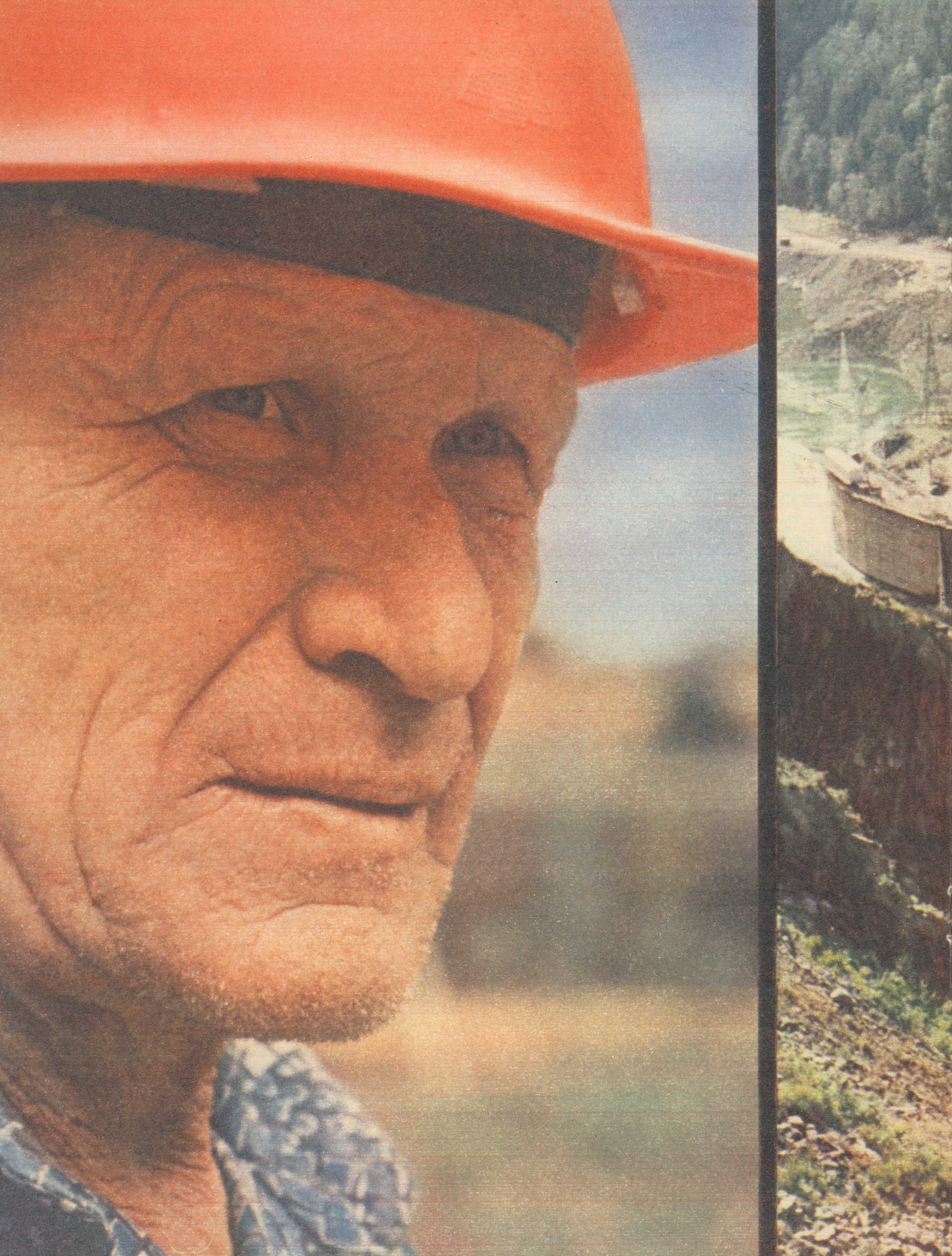
А теперь к Карлову ручью, к плотине, которую сравнивают то с богатырем, оперешимся о горные вершины, то с жемчужиной в таежной изумрудной оправе. Такой она будет. Ленинградцы измеряют ее высоту Исаакием — как раз встанут два с половиной собора; москвичи — университетом; бывавшие в Африке — с пирамидой Хеопса: четыре такие пирамиды соединили бы скалистые берега.

Понять наше нетерпение легко: не были на Карловом створе пять лет. Как там? Что? Сухопутная до-

Растет плотина Саяно-Шушенской ГЭС. Бригада Решетникова устанавливает опалубку.
В степи под Абаканом поднялись корпуса вагоностроительного завода.
Идет смена.
На развороте вкладки: Старший прораб — Герой Социалистического Труда М. Я. Лесников строил Красноярскую, а теперь строит Саяно-Шушенскую ГЭС.
В Карловом створе.

рога к створу пока одна — через степи Хакасии, по левому берегу. Вторая, по правому берегу, через Шушенское, еще не готова. Тогда, пять лет назад, нас в пути настиг ливень, машина увязла на размытой грунтовке. Теперь «Волга» мчалась по ровному, как стрела, асфальту. Промелькнула глубокая чаша «Орбиты», благодаря которой абаканцы смотрят Москву, поманили голубизной облюбованные рыбаками озера; позвала в сторону стрела с четырьмя буквами «СаАЗ» — там на горизонте угадывался контур стройки. И вот, предваряя улицы и кварталы города, встал на пути указатель: «Саяногорск». Такого города раньше не было.

По альпийской яркости красок и свежести воздуха узнаем Майну, прежнюю столицу стройки. Но теперь она присмирела и поутихла: Управление строительством ГЭС переместилось под бок к плотине в Черемушки,— сказочно неожиданные среди сумрачных скал и сосен, веселые, с «Берендеем» и «Садко», с качелями и клумбами.

Плотина?.. Мы еще не видели, но уже почувствовали ее близость: прогрохотал и отозвался могучим эхом в горах взрыв. Водитель чертыхнулся: «Не успели, опоздали»... Последний километр, последний поворот, и перед нами развернулась панорама, достойная кисти Рубо. От берега до берега, во всю ширину отвоеванного у скал и раздвинувшегося русла, лежала обнаженная, рыжая земля. С выемками, наполненными дождевой водой, с дамбой в верхнем бьефе и накатанными по всему пространству, точно им много-много лет, дорогами, с вагончиками и столовыми. Над ней вздымались многоэтажными корпусами, впритык друг к другу, бетонные сооружения в опалубке, напомнившие своими безоконными, глухими стенами увеличенные во много раз бородинские редуты и флеши. Облако меж тем (след недавнего взрыва, с помощью которого готовится скальное основание плотины) рассеялось, и всевозможная строительная техника зарокотала, засигналила, задвигалась.

Мимо нас, стеная, взбирался на гору бетоновоз. Самое удивительное было в том, что эта неправдоподобно натуральная твердь из скального грунта и гравия, по которой он полз и на которой здесь все стояло, была искусственной, временно созданной человеком лишь для того, чтобы воздвигнуть поперек Енисея преграду на века. Потом вся эта частица суши будет разобрана и вывезена. Вместо нее заплещется в каньоне подпертое аркой плотины море глубиной в сотни метров.

Ну, а где же сам Енисей?

Прорвавшись сквозь донные отверстия у противоположного правого берега, он дымчато клубится в узкой горловине и потом безучастно, надменно, точно нет ему до всего окружающего решительно никакого дела, несет свои усмиренные воды к Черемушкам, Майне, Саяногорску, до самого Абакана, чтобы там стать морем, сотворенным человеком Красноярским морем.

Какой же геркулесовой силой должны обладать люди, чтоб такое вершить?

•

Новоселы Саяногорска.

Монтажники П. Загвозкин, Ю. Зубков, А. Малышев и начальник участка Н. Сас — строители Минусинского электротехнического комплекса.

Это не снега, это сказочной красоты мраморы Кибик-Кордонского месторождения.

Черемушки, поселок строителей знаменитой ГЭС.

Студентки Белорусского политехнического института Аня Рачек и Таня Кашкур минувшим летом работали в Саянах.

А их и не видно, людей, они в кабинах, внутри и на верхах бетонных громад-секций плотины. Только разносятся по котловану усиленные динамиками команды оперативного штаба.

По совету парткома стройки мы направились к самому большому, необычного вида крану КБГС-1000. Его массивный башнеобразный корпус напоминал ракету перед взлетом. Наверху желтой люлькой прилепился к башне домик, точнее, не домик, а дом в четырнадцать окон — машинный зал с лебедками, моторами, аппаратами. С этим краном работает, сказали нам, бригада А. Н. Решетникова, одна из лучших среди плотников-бетонщиков. И тут же оговорились: «Другие бригады тоже хорошие — Мащенко, Полторана, Коленкова, Хмары... Каждая уже вошла в историю строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Но Решетников очень знающий человек, первым смело берется осваивать новую технику, вот и этот бетоноукладчик, КБГС-1000...»

Вверх-вниз, вверх-вниз. Тут не самолетный трап и даже не стремянка. Ступенька — тонкий арматурный стержень.

— Вы не видели Решетникова?

Высокий человек в каске стремительно оборачивается. В его продолговатом смуглом лице есть что-то цыганское, черные глаза сощурены в улыбке.

— Я Решетников. Подождите минуточку, тут у нас студенты, москвичи.— И он подошел к парню, зачищающему маленькой ручной электрической машинкой стыковой шов. Наконец Анатолий Николаевич освободился.

— Довольны вы краном?

— «Тысячным»? Идут испытания. Данные у него отличные: восьмикубовую бадью подхватывает, как пылинку. Грузоподъемность двадцать пять тонн на вылете стрелы сорок метров. Очень высока маневренность: восемь — десять циклов в час. Сила! В Дивногорске таких кранов не было. У нас самый первый опытный образец, прямо из Донбасса привезли.

Анатолий Николаевич Решетников из тех строителей, для которых лозунг «Подвиг у Дивных гор приумножим в Саянах» — не только звонкая крылатая фраза, а его личная биография. Одиннадцать лет, с самого начала, строил Красноярскую ГЭС. Орден Трудового Красного Знамени, который он прикалывает к лацкану пиджака по праздникам, — за нее, а второй орден, Октябрьской Революции, — за Саяно-Шушенскую ГЭС.

— Много ли к вам поступает новой техники?

— Очень много. Самоходная зачистная машина. Автокран нового типа. Манипулятор для утрамбовки бетона...

Да, вот где она, геркулесова сила, — в машинах, послушных человеку.

— Бетон на первом Днепрогэсе девчата ногами уминали...

— Так это когда было! Почти полвека назад! Мы теперь на космическую методику равняемся: на Луне робот—значит, и у нас, на Земле, должен быть! Слыхал я, на Чиркейской ГЭС манипуляторы работали — людям понравились. Наши умельцы свою конструкцию предложили. Только кнопки нажимай. Под стать «тысячному». Тут все во взаимосвязи. Проектировщики возлагают большие надежды на КБГС-1000, говорят, что за ним будущее. Подсчитали, что, когда пойдет большой бетон, тринадцать таких кранов будут укладывать два миллиона кубов бетона в год. Успел бы завод построить эти краны! Да бетонщиков побольше бы! В семьдесят восьмом надо первые турбины раскрутить. А уложили всего один миллион. До раскрутки осталось два миллиона шестьсот. А вообще в плотине десять миллионов будет. Вон до того треугольничка нам расти!— вскинул он руку к зеркально блестевшему на вершине горы триангуляционному знаку.— Облака на плотине будут лежать, как в распадках...

УСТОЙЧИВАЯ ПОЗИЦИЯ

Саяногорск — баловень судьбы: не успел еще и на свет появиться, а уже стал обладателем богатого наследства — Саяно-Шушенской ГЭС и камнеобрабатывающего комбината, не имеющего себе равных в стране по уровню технической оснащенности. А через два месяца после его рождения, 19 января 1976 года, был вынут первый кубометр грунта под фундамент Саянского алюминиевого завода — СаАЗа.

...Стоял на берегу Енисея на границе степной и горной Хакасии поселок Означенное — старинная станица. Рассказывают, эту точку «означила» на карте Екатерина II и направляла туда казаков. А двенадцатью километрами выше по Енисею, в Майне, каторжные люди добывали медную руду. С той поры сохранились в горняцком поселке красные кирпичные строения. А еще сорока километрами выше по Енисею уже в наши дни стало селиться пестрое, шумное, дружное племя строителей и назвало это место «Черемушками». Но строителям и там было тесно. Они заполонили и Майну, а в Означенном разместили заводы строительной индустрии. Так естественным ходом развития три поселка оказались кровно связанными друг с другом — породнила великая стройка. Теперь их объединили в город с центром в бывшем поселке Означенное. Держится Саяногорск на трех китах: ГЭС, камнеобрабатывающий комбинат и алюминиевый завод. Три точки опоры — вполне устойчивая позиция!

Вот теперь можно познакомиться и с СаАЗом. Точнее, с его директором, потому что завод только начинает строиться. Но директор есть и полон энергии. Василий Венедиктович Стриго. Очень живой белокурый, с проседью человек. Работал в Красноярске директором алюминиевого завода — одного из самых крупных в отрасли. В Красноярске у него было все: любимое дело, коллектив, с которым шел много лет... А он отказался от всего этого и попросил, чтобы его направили сюда, в степи Хакасии, на пустое место. Романтика присуща не только юным! «Очень захотелось построить первоклассный завод нового типа, чтобы все самому, от начала до конца своими руками. Раз в жизни может представиться такая возможность»,— говорил он друзьям. Был еще один аргумент: Стриго сам из этих мест, из Бейского района, тут и родился.

Василий Венедиктович подвел нас к макету: коробочки, трубы, зеленые кружочки — деревья. Нам они мало что говорят. А у него свое видение. Он представляет себе завод таким же эталоном самой прогрессивной технологии в алюминиевой промышленности, каким является, например, КамАЗ в автомобилестроении.

— Смотрите, здесь мы будем получать алюминий,— ткнул он карандашом в длинную, как пенал, коробочку. — Самые мощные в мире электролизеры. Высочайшая механизация и автоматика. Автоматическая система управления — АСУП. Системы очистки. У нас не встретите в цехах прокопченных, как трубочисты, людей, как на иных старых заводах. Не будет вредной, едкой пыли, никаких практически выбросов в атмосферу. А тут,— окольцевал он батарею других коробочек,— будем получать прокат — листы с покрытием и без них, кабель, ленты, слитки, чушки и другие полуфабрикаты. Собственно, два завода на одной площадке. Такое совмещение в отечественной практике будет осуществлено впервые. Что это даст? Улучшение структуры металла и высокую рентабельность. А какая великолепная площадка нам отведена, не обратили внимания? — Теперь он показывал фотографии.— Плоская, как стол. Ее когда-то прочили под КамАЗ. Земли — сплошной гравий. К услугам строителей — готовые дороги. Есть строительная база. И, наконец, прекрасный климат, красивейшие места. Надо строить, строить как можно быстрее завод, город, ГПТУ металлургов. Первые цеха должны быть готовы к пуску первых агрегатов Саяно-Шушенской ГЭС. Мы с великой соседкой должны трудиться синхронно.

Если рабочие часы алюминиевого завода еще не пущены, то на камнеобрабатывающем комбинате они отсчитали уже три года. Можно без устали ходить по его просторным, светлым цехам. Уже сейчас в них обрабатываются сотни тысяч квадратных метров камня в год. В дальнейшем мощность завода удвоится. Заказы ста двенадцати городов выполняются здесь. Высокопроизводительные автоматы разрезают, обтачивают, фрезеруют, шлифуют четырехтонные блоки, превращая их в полированные плиты. И потом можно без конца любоваться затейливостью рисунков, созданных художницей-природой. Мраморы Кибик-Кордонского месторождения, что здесь же, неподалеку, по дороге к плотине,— редчайшей красоты и могут заворожить кого угодно.

Фрезеровщику по камню Евгению Шорникову двадцать четыре года. Он волжанин, из Жигулевска. Приехал следом за девушкой, в которую влюбился, да так здесь и остался. На комбинате с самого начала. Освоил новое дело—посылали его учиться в Карелию, в Кондопогу,— теперь уже специалист высокого разряда. До этого никакого отношения к камню не имел, но, познакомившись с мрамором, «заболел» им подобно бажовскому мастеру Даниле. Кстати, встречаются в этих местах и прекрасные малахиты. И вот отбирает, ищет Женя кусочки камня, дома обрабатывает, гравирует... Таких людей здесь немало. Художник комбината Петр Давыдович Усатюк задумал открыть студию на общественных началах. И его история поучительна. Он ростовчанин, живописец, приехал в Сибирь в командировку, на этюды. И его «совратил» камень, и он остался в этом крае. Жена стала ему помощницей. Усатюк выполнил из кусочков мрамора большой портрет Владимира Ильича Ленина, его работы экспонируются на выставках.

На комбинате вынашивается идея создания цеха поделок—сувениров. Они здесь очень нужны. В город все чаще приезжают гости Шушенского, и близкие и далекие, зарубежные, со всех континентов Земли.

Саяногорску год, день его рождения 6 ноября. Но уже теперь каждый месяц прибавляется в нем триста человек. Значит, быть некогда тихому, убаюканному степными ветрами поселку большим городом!

НАТАША БАЛГАЗИНА

Рассказывают, что начался Черногорск с батрацкого костра. Пас чабан байских овец, холодной ночью развел на горе костер, чтоб согреться, наутро погнал стадо дальше к ручью, а когда вернулся на другой день, то увидел, что его костер горит пуще прежнего, синеватым

пламенем. Это, оказывается, разгорелся каменный уголь, что лежал под горой, слегка прикрытый колючками. Люди назвали гору Черной и стали добывать здесь уголь. Первые рабочие каменноугольных копей Баландихи жили в копанках, тремя стенами врытых в землю. Давно это было, в начале века...

Городом Черногорск стал называться в советское время. Но если бы ему сейчас давали имя, то, вероятно, пришлось бы призадуматься: живет в нем больше текстильщиц, чем шахтеров.

Симпатичная ткачиха Ксения Казагашева, о которой речь шла в «Огоньке» пять лет назад,— одна из них. Жила она, дочь хакасских степей, на улице Космонавтов, в новом доме на пятом этаже. Без труда нашли эту широкую зеленую улицу. На углу большое здание — новенькая гостиница «Черногорск», которой раньше не было. А вот и дом Ксении.

Напрасно мы взбирались на пятый этаж—не живет она больше там. Соседи подсказали новый адрес — недалеко от Дворца культуры «Юбилейный». Еще одна, значит, новостройка — этого дворца тоже не было.

Звоним. Кажется, тут наша Ксения.

— Вам кого? Ой, простите, не узнала. Вы из Москвы, да?

Пять лет есть пять лет. И Ксения стала постарше, и дочки подросли: Оля пошла в школу, Ира — в седьмой класс.

— Семейство не прибавилось?

— Пока нет. Комнат прибавилось: было три, сейчас четыре.

— Что слышно на комбинате?

Наташа БАЛГАЗИНА в цехе.
Рисунок художника В. БУТАНАЕВА.

— Новое отделочное производство построено, фабрику первичной обработки шерсти пустили. А в городе еще одно предприятие появилось—комбинат искусственных кож. Очень большой комбинат. Подошвы делает, стельки и все такое.

— А как ваши дела в цехе, Ксения? Вы по-прежнему передовик?

— Ой, — замахала она руками,—обставили меня. Давно уже обогнали. Я теперь не на сукне работаю, на драпах, другие нормы. В нашей семье передовик нынче Николай.

— Ну, уж ты наговоришь!— запротестовал муж.

— А что? Если не я, так другие про тебя скажут то же самое. Николай — инициатор соревнования среди помощников мастеров. За высокую эффективность и за высокое качество борется.

— Хватит, Ксения,—снова решительно перебил жену Николай.— Я вам лучше про наших женщин расскажу. Тринадцать ткачих выполнили по две пятилетки в честь съезда партии. Первой— наш депутат Верховного Совета СССР Валентина Дмитриевна Лямкина. И теперь у нее такое же обязательство—за пятилетку намерена сделать две. Такие планы еще у десяти ткачих. Но я хочу особо сказать о Балгазиной Наташе. Она в моем комплекте работает. Пришла девчоночкой, тихоней из ГПТУ, всего-то семнадцать. Посмотрел на нее, вот, думаю, возни с ней будет — не оберешься. Ошибся, однако. Старательности у Наташи и усердия хватит на нескольких. Ткань у нас очень сложная: «Нарядная», «Свитязь»,—на костюмы идет. Смотрю, Наташа переходит с шести на восемь станков, потом на десять, двенадцать. Что делается! Чудеса! Но чудеса-то были впереди. Перед съездом партии Балгазина работала на двадцати четырех станках, как пчелка перелетала от одного к другому. Мы так ее и зовем «наша пчелка».

Недавно был в городе день трудовой славы. Такая традиция есть в Черногорске. Среди лета подводятся итоги за первое полугодие. Наташа выступала на городском собрании. Но как выступала—талант! Вот тебе и скромная пчелка. Владимир Максимович Вершинкин, первый секретарь горкома партии, поздравлял ее — Наташа еще в мае закончила первый год десятой пятилетки. Недавно ее приняли кандидатом в члены КПСС... Она член обкома комсомола.

...Наташа ведет нас по длинному коридору общежития, покрытому ковровой дорожкой. На Наташе элегантный брючный черный костюм, в котором она выглядит особенно стройной и высокой. Светлая кофточка с большим отложным воротником, изящные туфли. Но на пчелку внешне она никак не похожа: черные, удлиненные и в меру подведенные глаза, ресницы-стрелы, тонкие дуги бровей. Черные локоны.

На двери — № 326.

— Вот тут я и живу. Садитесь, пожалуйста!

Громадный коричневый медведище на тумбочке и куклы у изголовья. На столе часы.

— Это мне подарили за две личные пятилетки. А кукол — девочки на день рождения.

На стене портрет молодого человека в военной форме.

— Мой друг, мы с ним из одного улуса, из Усть-Бюра. Это в тайге, под Сорском.

— Что делают твои родители, Наташа?

— Отец работает в леспромхозе, мама—пекарь.

— Давно их видела?

— Хотела поехать в отпуск, но теперь вроде надо собираться в Африку. Путевку туристическую предлагают. А потом будет некогда. Начнутся занятия в вечерней школе. У меня последний класс — выпускной.

— Какие у тебя еще планы?

— Постараться закончить свою личную пятилетку к шестидесятой годовщине Октября. Мы, сибирячки, еще посоревнуемся с московскими и ивановскими ткачихами. Посмотрим, кто раньше выполнит свои обязательства!

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

ГЛАВА 16

Впервые за годы, когда я уже перестал быть ребенком, я жаждал, чтобы отец поскорей вернулся и вступил в одно из тех горьких сражений за нравственную справедливость, которыми он снискал нелюбовь нашего города. Прежде эта нелюбовь меня сильно смущала. Но теперь я понимал: спокойный, коммерческий ум Стендиша не спасет Джули от виселицы. Смертный приговор в ту пору не был редкостью: всего полгода назад в тюрьме в Бендиго повесили молодого парня, сверстника Джули, который убил двух своих братьев из дробовика. Наша местная виселица стояла разобранная позади полицейского участка, и ее ничего не стоило в любую минуту собрать и установить на небольшом, огороженном высокими стенами участке, где, как свято верили все мальчишки, когда-то вешали разбойников и казнили за столетнюю историю города троих убийц. Пониже сада, окружавшего полицейский участок, была наготове и известковая яма. «Могила Джули»,— вздыхал я, ворочаясь по ночам под громкое кваканье лягушек, слышное на веранде, где я тогда спал. Да, конечно, я переживал случившееся слишком бурно, но, как все в нашем городе, смотреть на это иными глазами не мог.

В четверг утром я вновь обрел малую толику здравого смысла и пошел в дом Джули — хотел взять для него чистую одежду. Дверь отворил Мейкпис, и я сказал ему, что мне надо.

— Я вчера видел тебя в суде,— сказал он и потер свои сухие, терпеливые руки неудачника. Он пытался навести какой-то порядок в своих смятенных мыслях.— Я должен был сказать правду, Кит. Ты ведь понимаешь.

— А как же иначе, мистер Мейкпис.

— Это не повредит Джули, а?

— Не беспокойтесь,— сказал я.— С Джули ничего плохого не случится.

— Я должен был сказать им, что произошло. Что мне оставалось?

— Джули поймет,— сказал я.— А я тут хочу взять для него кое-какие вещи.

— Какие вещи?

— Чистую одежду, пижаму, бритву...

— Бритву? По-моему, Джули еще не бреется,— сказал Мейкпис.— Да ты заходи, Кит.

Пансионеры сидели за кухонным столом и завтракали, и лица у них у всех по-прежнему были потерянные, точно у пленников потерпевшей крушение подводной лодки. Я поздоровался с ними довольно весело, и они тотчас заулыбались, засмеялись, обрадовались мне, словно водолазу, который наконец-то постучал о корпус их затонувшего судна.

— Здравствуй, Кит! — сказала мисс Майл.— Я тебя вчера видела, ты стоял с мистером Потсом у банка.

— Да, я там был...

— А я видел тебя у полицейского участка, ты ехал на велосипеде,— сказал Хей-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—43.

мейкер. Он с лебединой грацией склонил голову в мою сторону.

— И это было, мистер Хеймейкер.

— Я тебе помахал, но ты меня не видел,— сказал он.

— Это потому, что на велосипеде я слепну и дурею,— сказал я. И все весело засмеялись.

Я прошел за Мейкписом на веранду, и он показал мне комод, который он смастерил для Джули из двух ящиков из-под чая. В комоде, выстланном внутри газетами, нашлись две сложенные рубашки, две пары туго скатанных носков, джемпер, школьные шорты — Джули давно уже в них не ходил, жилет грубой вязки, которого я никогда не видел (может, это доктора Хоумза?), и четыре отглаженных носовых платка, сделанных из старых простынь.

— Это все? — спросил я Мейкписа.

— Да. Но все чистое и выглаженное, Кит. Это она... она так оставила...

Я подумал: а где же его нижнее белье? — но потом вспомнил, как Джули раздевался на речке,— никакого белья он не носил. Я взял все, и комод, где хранились постиранные, сложенные, выглаженные заботливыми руками миссис Кристо вещи, теперь зиял пустотой. Взял я и несколько своих старых тетрадей из тумбочки у кровати, но не стал смотреть, записывал ли уже в них Джули свою музыку: не хотел делать это на глазах у Мейкписа. (После я в них заглянул, но не увидел ничего, кроме своих старых школьных упражнений. Другие тетради Джули, наверно, спрятал.)

— Не густо,— сказал я Мейкпису,— но ничего, сойдет.

— А что еще ты искал, Кит?

— Ничего... ничего.

У дверей со мной простились как с героем, и только на улице я сообразил, что не

диго. Вот чего все они хотят, понимаешь? Вся эта подлая орава...

Может, сказать ей, что она и сама невольно подлила масла в огонь? Но чего ради мне обрушить такой удар на милую нашу безрассудную Норму?

— Это твой отец поручил старику Серебряному защищать Джули? — спросил я.

— Нет. Это я.

— Прекрасно. Значит, ты. А ты случаем не знаешь, как он собирается его защищать? То есть какую поведет линию, когда дело Джули будет слушаться в суде?

— Откуда мне знать? Он адвокат. Он свое дело знает.

— Надеюсь,— сказал я.— Очень надеюсь.

— Знаешь, Кит, он хотя бы не дурак. И не станет устраивать никаких нелепостей, не то что твой отец.

— Возможно.— К таким разговорам я давно привык и никогда не спорил.— Что у тебя в чемодане?

— Я купила Джули новый костюм, пару туфель и сорочку. Представляешь, что подумают о нем судья и присяжные, если он появится перед ними в этой своей курточке — рукава едва до локтей, костлявые лапы наружу торчат, прямо как рыбий скелет. А уж башмаки...

— Я только что отнес ему две его старые рубашки и несколько пар носков.

— Тебе разрешили с ним увидеться?

— Нет.

— Старик Стендиш был у него два раза, и он говорит: Джули сидит и молчит, не желает отвечать ни на какие вопросы. Стендиш говорит, что Джули не станет ни с кем разговаривать, ему это даже неинтересно; Стендишу кажется, будто Джули примирился со своей судьбой и пальцем не шевельнет в свою защиту — мол, будь что будет.

— Ну, конечно! Конечно! Вот потому-то твоему другу Стендишу и надо бы вести себя поумней.

— Вот спроси ее, Кит,— окликнула Норма.— Спроси-ка, что она думает.

У меня не было ни малейшего желания спрашивать эту особу о чем бы то ни было, но Норма славилась своим ехидством и язвительностью, и миссис Пенфолд обернулась и спросила:

— О чем меня надо спросить, Кит? О чем это Норма?

— Ей интересно, что вы думаете о Джули Кристо, миссис Пенфолд,— сказал я.

— То же, что и все,— решительно ответила супруга советника.

— А что именно? — крикнула Норма.— Что думают все, миссис Пенфолд?

— Он убил родную мать! — сердито ответила та.— Именно так все и думают. И виселица — это еще слишком хорошо для него.

Норма рассмеялась.

— Постыдились бы! — крикнула ей вслед миссис Пенфолд, а Норма уже с маху отворила дверь участка, не дожидаясь, пока сержант Коллинз снова оторвется от завтрака.

Я остался на тротуаре между ними двумя, и ох, как мне недоставало Норминого уверенного презрения и насмешливости! Норма воображала, что если высмеять все обвинения, Джули просто не смогут засудить — таковы были ее понятия о правосудии. Но я-то знал, что с правосудием шутки плохи. Я знал, например, что присяжные, как правило, выносят тот приговор, которого требует общественное мнение, и не потому, что подчиняются требованию, но потому, что они и сами — часть этой среды. И если принять это во внимание в деле Джули, можно считать, что он уже осужден и повешен.

Даже мой отец согласился с этим, когда я рассказал ему, что произошло.

— Помнишь, что сказал Орест, когда его обвинили в убийстве матери? — спросил он.

ДЖУЛИ ОТРЕШЕННЫЙ

окинул эту неуютную кухню с голыми стенами наметанным репортерским глазом. Не попытался представить, где именно миссис Кристо медленно опустилась на колени с немецким штыком в груди.

В участке сержант Коллинз опять не позволил мне повидаться с Джули. На этот раз он пришел в ярость — я помешал ему завтракать — так что я оставил корзинку, которую мне дала мисс Майл для вещей Джули, и сказал сержанту, чтоб он положил сюда потом грязную одежду: я зайду за ней и отдам ее постирать. Сержант даже не взглянул на корзинку; когда я выходил, он все жевал баранью отбивную; а выйдя, я увидел Норму Толмедж — она поставила свой «крайслер» тут же на углу, на тихой улочке, перегнулась назад и доставала небольшой плоский чемодан.

— Я хотел тебя повидать, Норма,— сказал я.

— Господи, Кит, да ведь это черт знает что, это ужас, что с ним делают! Хотят его повесить, как Джексона, того парня из Бен-

— Ну, а что мог сделать этот старый дурак, если Джули уперся и молчит?

— Не знаю. Потому-то я и волнуюсь.

— Стендиш — человек очень влиятельный, Кит. А в нашем городе только это и важно.

— Не всегда,— возразил я.— Это ведь не собрание агентов по продаже земли и не комиссия скотоводов. Это как-никак суд.

— Один черт,— сказала Норма и зашагала со своим чемоданом к полицейскому участку.— Как ни верти, все убеждены, что это Джули убил,— крикнула она мне, барабаня в дверь участка,— и теперь всем вдруг, видишь ли, стало жалко не кого-нибудь, а ее! Виселица — это для него еще слишком хорошо, вот что все говорят.

Я повернулся уходя и чуть не налетел на миссис Пенфолд, жену советника нашего округа,— она была в белом с головы до ног и спешила домой либо из больницы, где навещала дочь, либо из гостей, где играла в карты, либо с заседания комитета устроителей сельскохозяйственной выставки.

Для меня сочинения Эсхила были страстными лирическими драмами, а для моего отца — классическими состязаниями в правовой нравственности.

— Не помню,— не без досады ответил я.

— Орест стал нечистым, отверженным,— сказал отец.— И потом он жаловался, что его не зовут ни в один дом и никто не хочет с ним говорить.— Отец с грустью покачал головой.— Беда в том, Кит, что матереубийство плохо действует на судей. Одно подозрение в нем уже равносильно приговору еще до того, как начинается суд. И виноват ли подсудимый, нет ли — разницы никакой. Все приходят в ужас. Выступать защитником в таком деле, в суде или вне суда, радости мало, разве что есть неоспоримые доказательства невиновности подсудимого, чего о данном случае, я думаю, не скажешь.

— Тогда каким же образом защищать Джули? — спросил я.

— Ну что я могу тебе ответить? По-видимому, твой друг убил свою мать. Все ули-

ки против него. Какая же тут может быть защита?

— Тогда что, по-твоему, станет делать Серебряный Стендиш?

— Мистер Стендиш,— поправил отец.

— Мистер Стендиш.

Мы сидели в маленьком зеленом отцовом кабинете (обсуждать подробности дела при маме отец не пожелал); в ответ на мой вопрос он поднял левую руку, выставил четыре пальца. Его широкие короткопалые руки, как всегда, чуть подрагивали, но жест этот говорил яснее слов: «Стендиш — дурак».

— Вероятно, он изберет обычный в таких случаях путь защиты.

— Какой же это путь, раз все складывается против Джули?

— Нечаянное убийство, трагическая случайность. Что-нибудь в этом роде.

— Да ведь так оно и есть! Это наверняка была случайность.

— Довольно трудно убедить в этом судью и присяжных, да еще если юноша и впредь будет отмалчиваться. Одного этого уже достаточно, чтобы его осудили...— Отец пожал плечами, что делал очень редко. Но я видел — все это ему противно,— и возмутился.

— Мистер Стендиш ни в чем не убедит ни судью, ни присяжных, и ты это прекрасно знаешь,— сказал я.— А почему ты сам не возьмешься защищать Джули?

Человек нравственный и адвокат нередко существовали в моем отце порознь — вообще в жизни право и справедливость нередко существуют порознь,— и потому он даже не потрудился мне ответить.

— Почему ты не возьмешься его защищать? — с укором повторил я, словно обличал его в трусости.

— Не глупи,— сердито сказал отец.— Ты не маленький, прекрасно понимаешь: даже если бы я очень захотел, не могу я просто так отнять клиента у коллеги.

— Но...

— Хватит об этом.

— Джули необходим настоящий адвокат,— гнул я свое.— А не какой-то там консультант по продаже скота. Джули совсем беспомощен. Он ничего не станет объяснять, он никогда ничего не умел объяснить. Он всегда стоял на своем молча и теперь тоже ни с кем говорить не станет. Особенно теперь.

— В данном случае он ведет себя преглупо.

— Ну, конечно. На взгляд нашего города, он всю жизнь ведет себя глупо. Оттого-то его дело и решилось в два счета.

— И все же, виноват он или не виноват, то, как вызывающе он вел себя последнее время, на суде обернется против него.

— Ты имеешь в виду, что он играл на загородных танцульках?

— Я имею в виду, что он открыто взбунтовался против веры, в которой его воспитали, и против влияния матери. Он бросил ей прямой вызов, Кит.

— Это неверно! — почти закричал я.— Джули всегда старался спасти свою мать.

— Что ты такое говоришь? От чего спасти?

Я попался в ловушку своих недодуманных мыслей о Джули.

— Не знаю,— сказал я.— Но что бы он ни делал, все так или иначе делалось ради матери.

— Постой, постой, что ты хочешь этим сказать?

— Ну...— запинаясь, начал я,— понимаешь, Джули всегда и во всем чувствовал себя ее защитником. Понимаешь... он ненавидел то, что они с ней делали.

— Что и кто с ней делал? О чем ты говоришь? Выражайся, пожалуйста, яснее.

Я снова попытался что-то объяснить:

— Я знаю одно: Джули всегда вел своего рода нравственное сражение в защиту своей матери. Его всегда угнетало тяжкое бремя вины.

— Какая нелепость,— сказал отец.— Но все равно это не помогает понять твоего друга.

— Может, и не помогает,— сказал я, чувствуя, что краснею, и, скрывая смущение, заторопился.— Но одно я знаю твердо: Джули всю жизнь терпит муки ада...

— Почему? Из-за чего?

— Потому что его мать всегда одолевали дурацкие терзания рая...

Отец с силой хлопнул ладонью по столу.

— Хватит,— сказал он.— Это мальчишеский бред.

— А все равно это правда,— возразил я и сердито пожал плечами.

— Нечего пожимать плечами!

Обычно, если посреди спора отец делал мне замечание, это означало конец спору. Но сейчас я не был в этом уверен. Всем существом я ощущал сейчас наши с ним очень разные взгляды и мои неясные замыслы. Я смотрел на отцовы юридические книги, и глазок, что он процарапал в закрашенном окне, выходящем на улицу, видел, как он, сложив короткопалые руки, постукивает одним о другой большими пальцами, и мне начало казаться, что, пожалуй, я не напрасно все ему выложил.

— Если смерть его матери — несчастный случай,— сказал отец,— Джули должен был так и сказать, почему он молчал?

— Потому что он не желает ничего в себя впускать. Он всегда замкнут наглухо. Ему всегда приходится жить вне всего...

— О господи! — вспылил отец.

— Но...

— Не желаю больше ничего слушать. С меня хватит, не мешай мне работать.

Я ушел от отца злой, разочарованный, чувствуя себя к тому же круглым дураком. Он не захотел понять то, что я пытался ему объяснить про Джули, а если не поймет, ни за что не вмешается в это дело. Чтобы мой законник отец, натура гармоничная, захотел взяться за дело, дело должно в нем затронуть какую-то нравственную струнку, а я, на беду, пока не сумел задеть в нем такую струну.

ГЛАВА 17

Но и на этот раз, как уже бывало, я рассуждал и строил планы, не думая, что кто-то может в них вмешаться и все повернуть по-другому. Правда, я уже спрашивал себя, как поступит Бетт Морни, когда узнает, что стряслось с Джули. Бетт училась теперь в колледже в Мельбурне, за двести четырнадцать миль от нас, однако это было все равно что в Токио,— чем могла она помочь ему из такой дали?

Но однажды в пятницу вечером она приехала домой, позвонила мне и сказала, что хочет меня видеть. А где нам встретиться не на глазах у всего города, хотел бы я знать? Сплетницы и сплетники расхлопотались, точно опьяневшие осы, липли ко всем, кто имел хоть малейшее отношение к Джули, и уж, конечно, чего бы они не наплели о нашей встрече с Бетт, вздумай я пойти к ней домой.

— Лучше приходи ко мне,— сказал я.— Не то наши кумушки опять станут выслеживать да чесать языками.

— Хорошо, Кит. Приду в половине девятого.

Моя мама, как все матери в нашем городе, у кого были сыновья, полагала, что из Бетт выйдет отличная невестка, но я предупредил ее, что Бетт придет не ради меня, а ради Джули. И все равно мама проветрила гостиную, открыла крышку пианино и поставила ноты: она всегда так делала, когда хотела, чтобы гость почувствовал себя у нас как дома.

В последний раз я видел Бетт полгода назад, и, когда открыл дверь и увидел это прекрасное лицо, тут же понял: она еще на полгода ближе к той великолепной, совершенной женщине, какою станет через несколько лет. Но наша простодушная одноклассница все-таки еще оставалась девчонкой, и, едва мы сели на плетеный садовый диванчик, все стало ясно, просто и естественно.

— Пусть люди говорят, что хотят, Кит, а я никогда не поверю, что Джули убил свою маму. И ни один разумный человек в это не поверит.

— Возможно,— сказал я.— Но в судах заседают не только разумные люди.

— Как он?

— Не знаю. Я с ним не виделся.

— Почему?

— Пока не состоялся суд присяжных, его могут видеть только родные и адвокат.

— Но это несправедливо, ведь все знают, что у него теперь никаких родных не осталось.

— Справедливо или несправедливо, но таков закон, Бетт.

— Как, по-твоему, сержант Коллинз позволит мне с ним повидаться?

Сумеет ли сержант Коллинз устоять?

— Попробуй,— сказал я.— Но главное сейчас — это защита Джули в суде присяжных. Защитник должен сотворить чудо. И если хочешь знать, единственный человек, который мог бы вызволить Джули, это мой отец.

— А разве не он защищает Джули?

Я рассказал ей про старика Стендиша.

— Кит, но неужели твой отец не возьмет на себя защиту, если ты попросишь?

— Не может же он просто прийти к Стендишу и потребовать, чтоб тот уступил ему клиента,— сказал я.— И вообще кто ему заплатит, чтобы он защищал Джули? Уголовные процессы — штука долгая и дорогая, он просто не может себе позволить вести это дело бесплатно.

На самом деле моего отца это не остановило бы, но мне не хотелось говорить Бетт, что я уже пытался его убедить — и безуспешно.

— Так ведь мистер Стендиш обычно ведет дела богатых скотоводов, кто же теперь платит ему?

Я неохотно сказал ей про Норму Толмедж.

— А я про нее совсем забыла,—сказала Бетт.

— Норма делает для Джули все, что может,— сказал я.— Но она ничего не смыслит в адвокатах и судах, а то поняла бы, что от старика Серебряного толку не будет ни на грош, у него же только и есть что шевелюра да карандашик, а соображает он насчет одних закладных.

— Бедный Джули! — сказала Бетт. Потом наклонилась ко мне и — чего я уж никак от нее не ждал — схватила меня за руку.

— Это было очень страшно, Кит? — спросила она.— Я про миссис Кристо...

— Да уж наверно.

— Она умерла сразу?

— Только опустилась на колени...

— А Джули она что-нибудь сказала?

— Никто не знает. Джули не хочет ничего говорить.

— Почему?

— Ты ведь его знаешь. Когда все против него, он просто уходит в себя.

— Ну, ты всегда преувеличиваешь насчет Джули,— возразила она.— Если надо будет, он заговорит.

— Господи! Ты что, забыла, какой он есть? — спросил я.

— Но он вовсе не всегда уходит в себя,— упрямо повторила Бетт.

— Тогда постарайся, чтоб он заговорил. Пойди и уломай его, но пока это не удалось никому.

— Ладно. Завтра пойду к сержанту Коллинзу и попрошу, может, он позволит мне повидаться с Джули. Скажу, раз у Джули нет родных, так должен же кто-то к нему приходить.

Она встала. По длинному коридору нашего старого дома мы прошли в гостиную, там мама принялась поить нас чаем с пшеничными лепешками, на английский манер.

— Кто ведет хозяйство отца теперь, когда ты не живешь дома, Бетт? — спросила мама.

— Миссис Джонсон, жена парикмахера.

— Я буду иногда посылать ему с Китом или с Томом пшеничные лепешки,— сказала мама.

— Большое вам спасибо, миссис Куэйл,— сказала Бетт, и мы с ней пошли из гостиной.

Вот теперь я понял, как безнадежно в нашем городе что-либо скрыть — мама настояла, чтобы я проводил Бетт до дому. Я мысленно взвыл, я ведь понимал, чем это кончится, но примерно с полдороги, когда мы уже повстречали добрый десяток знакомых, даже не без удовольствия представил себе, какая пышная сплетня расцветет из этого за ночь. И, конечно, ровно через два дня сплетня до меня докатилась, ее принес Том: миссис Джилспай, жена торговца скобяными изделиями, спросила Тома, почему это его брат разгуливал с Бетт. Может, теперь, когда парнишку Кристо засадили в тюрьму, я стал за ней ухаживать?

— Ну и пусть,— сказал я. — Про Бетт никто худо не подумает, так чего мне беспокоиться?

В следующую пятницу, после обеда, Бетт пришла в комнатенку, где помещалась редакция нашего «Стандарда», встала передо мной и сказала:

— Ты был совершенно прав, Кит. Джули просто не желает ничем себе помочь.

— Ты с ним виделась?

— Да, конечно,

— Ты из него хоть что-нибудь вытянула? Хоть словечко?

— В общем, нет. Если его не знать, можно подумать, что ничего не случилось. Он спросил, видела ли я Скребка.

— У, сволочной пес! — вырвалось у меня.

— Кит!

— Ладно, извини. И это все, что он сказал?

— Представь, он говорил больше обычного.

— О чем?

— Как ни странно, о математике. Он спросил, как проще всего разделить кратные четных и нечетных чисел. И существует ли для этого какое-нибудь правило.

— Так и спросил?

— Не так, но смысл был этот. Он хотел знать, сколько может быть четных чисел во всех числах, кратных двенадцати и кратных семи, и сколько нечетных. Или вернее, как можно проследить систему упорядоченного сопоставления.

— Ничего не понимаю.

— Мне понадобилось полчаса, чтобы понять, чего он хочет. Никак не могла сообразить. Но суть сводится к этому.

Я почувствовал, что все это как-то связано с тайной алгеброй Джули.

— А так он нормален? — спросил я.— Для меня ведь загадка, каков он сейчас.

— Конечно, нормален. Такой же, как всегда. Даже словно бы помягче. Но у меня ужасное, жуткое чувство, Кит: мне кажется, он решил — для него, мол, все кончено, будь что будет. Он совсем не замечает, где он. Просто не замечает.

— И не видно, чтоб он грустил? Или раскаивался? — спросил я.— Нельзя хоть по каким-то признакам понять, что же все-таки произошло?

Бетт ответила не сразу.

— Только одно. Он и всегда был бледный, а теперь стал прямо прозрачный, кожа у него такая тонкая, просто страшно представить, как он ложится лицом на эти грубые серые одеяла. Я бы хотела, чтоб ты с ним повидался, Кит.

Я сказал, что я тоже хотел бы с ним повидаться, и мы опять заспорили о моем отце и Стендише. Почему я не уговорю отца взять на себя дело Джули? Почему не попытаюсь?

— Я пытался,— сердито ответил я,— а он меня и слушать не стал.

Бетт вздохнула, и когда она ушла, я подумал — вот и ее надеждам тоже конец.

Но назавтра (то была суббота, день получки) я роскошествовал в ресторане «Совершенство» по соседству с нашей редакцией,— ел дорогое, полтора шиллинга порция, мороженое с фруктами, и тут рядом села, вытянув шелковые ножки, Норма Толмедж. И сказала, что к ней приходила Бетт.

— Она хочет, чтоб я уговорила старика Стендиша отказаться от дела Джули, тогда за него сможет взяться твой отец,— сказала Норма.

— Ох, нет! Так не годится. Она с ума сошла.

— Почему? Чем это плохо? — спросила Норма.— Ты же сам этого хотел.

— Да, но только сперва мне надо уговорить отца.

— Она его уже уговорила.

До меня дошло не сразу. Потом я откинулся на стуле и захохотал.

— Ты чего смеешься?

— Мог бы и раньше догадаться,— сказал я.

— Не будь болваном.

— И ты ей обещала поговорить со Стендишем?

— Ясно, обещала.

— Какими же волшебными словами она тебя околдовала? — спросил я.

— Неважно, что она говорила. Ты ведь вроде думаешь, только твой отец и может вызволить Джули. Так она мне сказала, и уж, верно, тебе виднее. Так вот, когда завтра старик Серебряный придет к нам на воскресный обед, я ему скажу, чтоб он передал это дело твоему отцу.

Меня вдруг восхитил весь яркий, пламенеющий, грешный облик Нормы. Она любила красный цвет, и коленки у нее были голые, а грудь торчала торчком.

— А вы когда-нибудь ссоритесь друг с другом? — спросил я.

— Кто с кем?

— Ты с Бетт.

— Чего ради мне ссориться с Бетт?

— Не знаю, но...

— Вот еще! Она не осуждает меня, а я не осуждаю ее. Если хочешь знать, из всех городских девчонок Бетт одна мне по душе.

— Естественно.

— И если кто может уговорить Джули защищаться, так это Бетт.

— А ты не ревнуешь?

Как все, кто растет без матери, накрашены у них губы или бескровны, богаты они или нищи, ходят в отрепьях или в шелку, Норма была очень уязвима, насмешка и недоброе слово ее легко ранили.

— Бессовестный! — вскинулась она.— Зачем ты об этом?

— Извини,— покаянно сказал я.— Это во мне взыграл злой дух.

— Ты не злой дух. Ты верхогляд из глухомани,— сказала она с полнейшим презрением и к моему мороженому с фруктами и к профессиональной беспристрастной сдержанности, которую я на себя напустил.

Но расстались мы все равно друзьями, и, когда вечером за обедом я заговорил об этом, мой несгибаемый, непреклонный отец подтвердил, что согласился взять дело Джули, если Стендиш от него откажется.

— Он-то откажется,— усмехнулся я.— Норма уж постарается.

— Посмотрим.

— Как это Бетт ухитрилась тебя обойти? — спросил я чуть небрежней, чем следовало.

— Никто меня не обошел, как ты выражаешься,— отрезал отец.— Я беседовал с мистером Стендишем, увидел, что он понятия не имеет, как защищать мальчика, и подумал, что это несправедливо. В сущности, Стендиш как будто не слишком озабочен тем, чтобы найти какой-то новый путь защиты, он пойдет по пути наименьшего сопротивления, а в таком деле это явный провал. Вот почему я переменил решение, а вовсе не из-за разговора с мисс Морни.

И, однако, я не сомневался: это наша простодушная Бетт, которая пришла к нему в контору и говорила с ним от всего своего чистого, безгрешного сердца, сделала его защитником Джули, и я был слишком ей благодарен, чтобы задеть отца еще какимнибудь неосторожным словом.

— Ай да папа! — крикнул с другого конца стола мой младший брат Том, наш домашний моралист.

— Сколько раз тебе говорилось, чтоб ты не употреблял в нашем доме это австралийское выражение...

Моя сестра Джин спросила отца, как он собирается защищать Джули. Обычно она могла вытянуть из него все, что угодно, но я был уверен — на этот раз он ничего ей не скажет. Путь защиты, который выбирал мой отец, всегда разворачивался постепенно, шаг за шагом, и до самой последней минуты никто никогда не знал, куда он ведет, даже мама, даже Джинни, а порой и сам подзащитный.

— Там видно будет,— уклончиво ответил он сейчас Джинни. Потом прибавил свое обычное определение хорошей защиты, такой защиты, которая в его духе:

— Всегда важно раскрыть внутреннюю логику дела, и, если она ясна, все сразу становится на свое место.

Мама тихонько вздохнула и прикрыла глаза. Только этим она и выразила свое недовольство: ведь отец снова брался за дело, на котором он ничего не заработает, и несколько недель занят будет по горло. Почему бы ему не взяться за другие дела и не заработать хоть немного денег — их так не хватало нашему безденежному дому.

— Бедный мальчик,— сказала мама про Джули.

— Бедная наша мама,— поддразнил я ее.

Но даже и тут я ошибся. На другой день отец вернулся домой явно удивленный и сказал, что к нему в контору приходил мистер Морни и предложил заплатить за защиту Джули,— это удивило всю нашу семью, кроме меня.

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

люди большой науки

ЧЕГО НЕ ПРИДУМАТЬ Д

Ирина РАДУНСКАЯ

История эта началась более шестидесяти лет назад.

Москва накануне первой мировой войны. Лефортово, район солдатских казарм, голытьбы, малолетней беспризорной вольницы, обосновавшейся на берегах грязной Яузы. На Золоторожской улице в двухэтажном доме жил купец Сифоров, державший захудалую торговлю. Это был набожный, истовый старик, каждый день ходивший за десять километров в церковь и пугавший внуков грядущим концом света.

Сам он умер девяноста годов от роду, так и не увидев ни конца света, ни развала семьи, опустевшего дома. Не увидел, как магазин растащили, как его сын перебивался с хлеба на квас уличным продавцом газет. Не узнал дед Сифоров и о том, что старший внук кончил жизнь самоубийством — было ему семнадцать лет; что внучка Верочка, хорошенькая, аккуратненькая девочка, оказалась Золушкой в чужой семье, а семилетний внук Володя ушел в беспризорники...

От некогда обширной семьи остались два осколочка: сирота Верочка, ставшая художницей, да маленький Володя, который из заморыша, вечно голодного и озябшего, стал...

«Владимир Иванович Сифоров — выдающийся советский ученый в области радиоэлектроники, теории информации, статистической теории связи, радиофизики, автоматики, телемеханики, теории надежности и теории радиоприема, крупный педагог и общественный деятель, с именем которого связано зарождение и развитие новых направлений науки и техники»,— написано в одном из выпусков серии «Биобиблиография ученых СССР».

Диккенс так пронзительно писал о несчастных детских судьбах, что его романы, по словам Маркса, раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем это сделали все политики, публицисты и моралисты, вместе взятые. Они показали миру неисчерпаемость в человеческом обществе доброты и великодушия, помогающих потерпевшим крушение детям найти свой путь в жизни. Но это всегда были отдельные люди. Диккенс не мог ни придумать, ни предвидеть, что на земле возникнет целое государство, социальный строй, поставивший своей целью сделать счастливым каждого человека, помочь каждому проявить себя полностью на общее благо.

Такое общество осуществила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция. И судьба советского ученого Владимира Ивановича Сифорова — иллюстрация силы и возможностей этого общества.

* * *

Странным мальчиком рос Володя Сифоров. Жил он не по законам беспризорного мира. Конечно, умел и выклянчить кусок хлеба, и стащить с лотка торговки-раззявы яблоко или горячий пирог, умел дать сдачу обидевшему его дружку. Но мир улицы не захватил, не затронул его внутреннего мира.

Поздними вечерами прокрадывался он в отцовский дом, бродил по немым пыльным комнатам, потом раздевался — хотя зимой в этих нетопленных помещениях было еще более холодно и сыро, чем на улице,— забирался в свою постель, натягивал все одеяла, тряпки и пальто, какие удавалось разыскать в старом хламе заброшенного жилья, и час-другой дыханием согревал свою нору.

Сверстники в ту пору болели «натпинкертоновщиной». Заболевание было заразным, проходило в острой форме. Но Володю оно не коснулось. Он любил читать, но не приключенческие или детективные истории, не сентиментальные романчики. Всеми правдами и неправдами он доставал книги по математике — то стащит, то купит на гроши, которые иной раз перепадали «на бедность» от сердобольных господ.

Согревшись под грудой тряпья и почувствовав, как возвращается гибкость к закоченевшим ногам и рукам, Володя зажигал свечу и открывал книгу... Бегло просматривал страницы, написанные нормальным шрифтом и, хотя уже в малые годы из-за недоедания страдал слабым зрением, да и в неровно мерцающем свете свечи было трудно различать даже большие буквы — мальчик с нетерпением набрасывался на строки, набранные самым мелким шрифтом. Именно здесь таились манящие и зажигающие его воображение сокровища. Авторы, как бы робея и понимая, что не имеют права отнимать внимание массового читателя, коротко и сжато упоминали про загадки, не разгаданные никем на свете, приводили вопросы без ответов, часто без надежды на ответ. Эти тайны словно были рассчитаны на особый случай, взывали к будущим гениям.

И Володя забывал о сиротстве, нищете, голоде. В воображении маленького оборвыша вспыхивали и совершались необыкновенные события... В его руках вдруг оказывались ма-

МОГ
ИККЕНС

мины щипцы для колки орехов, раздавался хруст, как тогда, когда мама сама колола для детей орешки, но теперь щипцы выхватывали из учебника непокорные задачки и — хряс, хряс, хряс — разгрызали их и выплевывали готовые решения. Они раскалывали уравнения первой, и второй, и третьей степени, и даже четвертой и пятой, о которых мелким шрифтом сообщалось, что их никто не мог решить, что они вообще не решаются в радикалах... Володя щелкал волшебными щипцами, а рядом стоял юноша с гордым профилем, Эварист Галуа, не признанный при жизни, убитый на дуэли в двадцать лет математический гений, в ночь перед смертью бросивший под ноги человечеству великое открытие,— он смотрел на Володю с явным одобрением и радостно кивал головой. А великий Гильберт сконфуженно прятал за спиной листок с пресловутой задачей № 13, которую он считал неразрешимой...

Володя просыпался на рассвете закоченевший и сонно разглядывал грязные занавески, сальные пятна от свечи на одеяле, смятые страницы притихших книг...

— Не могу понять, откуда на меня свалилась эта напасть, увлечение математикой,— в недоумении разводит руками член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Иванович Сифоров, высокий, стройный человек с доверчиво-беспомощной улыбкой, часто сопутствующей его речи. Он словно конфузится необычности своего детского поведения.— Никто в нашей семье не интересовался подобными вещами. Меня же в детстве обжигала мысль, что существуют неразгаданные загадки.

— Только ли в детстве? А история с Леонардо да Винчи?

Я бросаю эту реплику не случайно, а с тайным умыслом. Еще свежо впечатление от своеобразной сенсации: Владимир Иванович с группой коллег выполнил удивительную работу—«вычислил» внешность Леонардо да Винчи, универсального гения и загадочного человека, жившего в далеком шестнадцатом веке.

Сифоров оживляется:

— Да, это, знаете ли, прелюбопытнейшая задача. Ведь до нашего времени дошли портреты Леонардо лишь в преклонном возрасте. Никто не представлял себе великого итальянского художника в молодости. Существовали, правда, догадки, что Леонардо изобразил себя на одной из ранних картин. Но это было недостоверное предположение. Очень заманчиво было проверить его...

Я понимала, что не простое любопытство толкнуло серьезных ученых на это исследование. Я понимала, что работа эта — не курьез, не фокус и не забава. Но мне всегда казалось, что вечно длящееся, никогда не прекращающееся переосмысливание, перетолковывание, расшифровка старых полотен, других памятников искусства — это привилегия искусствоведов. При чем же здесь Сифоров, физик и электронщик, пусть даже математик и вообще разносторонний человек? И почему эта работа проводилась в возглавляемом им научно-исследовательском институте АН СССР, решающем современные проблемы кибернетики?

* * *

При всем своем пристрастии к математике В. И. Сифоров не стал профессиональным математиком. Судьба привела его в Ленинград, где он окончил ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина). На пороге взрослой жизни он увлекся радиотехникой, или, как сейчас принято говорить, электроникой.

Сифоров — представитель второго поколения советских радиоспециалистов. Первыми были его учителя — теперь всемирно известный ученый в области радиоэлектроники академик А. И. Берг и учитель Берга и его друг И. Г. Фрейман, к сожалению, очень рано умерший.

У Берга Сифоров слушал лекции, а под руководством Фреймана делал дипломный проект. Когда Фрейман предложил тему для диплома, то сказал: «Есть одна интереснейшая область, только на русском языке нет литературы. Я кое-что видел на немецком. А тема очень перспективная и важная — борьба с помехами радиоприему».

Сифоров не знал немецкого, о помехах ничего не слышал. Изучил немецкий язык, создал теорию помех. Нашел свой путь в радиотехнике, свою тему, которая сыграла и играет по сей день существеннейшую роль и при создании радиоприемных устройств и при конструировании телеустройств, средств связи, электронно-вычислительной техники и кибернетических машин.

В год защиты дипломного проекта была опубликована первая научная статья Сифорова, посвященная созданию методов неискаженного приема радиотелеграфных сигналов. Это начало пути, который привел впоследствии Сифорова к участию в организации Единой автоматизированной системы связи нашей страны (ЕАСС). Благодаря современной системе связи мы теперь прямым образом, без помощи телефонистки связываемся с абонентскими телефонами десятков удаленных городов не только в нашей стране, но и в ряде социалистических стран.

Вскоре после окончания ЛЭТИ Сифоров совместно с замечательным советским радиоспециалистом А. П. Сиверсом создает первый отечественный магистральный радиоприемник коротковолнового диапазона. Создание новых электронных схем, надежных, помехоустойчивых, проходит через всю жизнь Сифорова. Он обобщает опыт этой работы в учебнике «Радиоприемные устройства», на котором воспитано уже не одно поколение советских радистов. Этот труд неоднократно переиздается у нас и за рубежом.

Любопытно, что именно Сифоров, молодой еще специалист, выступил в 1931 году с критикой работ авторитетного английского ученого Робинсона и развенчал его идею «стенодарадиостата», считавшегося самым совершенным методом приема радиотелефонных сигналов. В следующем году Сифоров снова вступает в научную полемику, уже с известным американским радиоспециалистом профессором Коэном, посетившим Советский Союз и пропагандировавшим свое изобретение по борьбе с помехами.

Эта тема — борьба с помехами — была уже так глубоко разработана Сифоровым, что в 1936 году он решается представить на суд коллег докторскую диссертацию. Это было тогда, когда даже его учителя еще не имели докторской степени.

Работа была настолько зрелой, глубокой, что не потеряла значения и в наши дни, и ее результатами широко пользуются радиоспециалисты при разработке и конструировании новейшей радиоаппаратуры.

— Я защитился за три дня до рождения дочери!— вспоминает Владимир Иванович.— Вы даже не представляете, как окрылили меня эти два события. Я работал как бешеный!

Эти годы отмечены скачком продуктивности: одна за другой — научные статьи, чтение лекций, консультации, выезды на полигоны. У него столько энергии и сил, что он развивает и активную общественную деятельность — в декабре 1939 года избран депутатом Приморского (Ждановского) районного Совета депутатов трудящихся. Его переизбирают на этот пост вплоть до 1953 года, когда он круто меняет свою жизнь, уезжая из Ленинграда. В Москву! Снова в Москву, домой, где осталось его детство.

И здесь не ослабляет рабочего темпа — в 1954 году он уже заместитель министра радиотехнической промышленности, руководитель основных направлений развития радиоэлектроники в нашей стране...

Сейчас В. И. Сифоров — один из самых активно работающих ученых. Он автор огромного количества — более четырехсот — научных трудов, учебников по радиотехнике, радиоприемным устройствам, помехам по радиоприему, научно-популярных книг и статей; он делает массу докладов, много раз выезжал за границу в составе советских делегаций для решения важных вопросов международного сотрудничества. И мне казалось, что я облегчу себе задачу, если, рассказывая о его сегодняшней деятельности, приведу официальную справку о выполняемых им работах за один, скажем, 1975 год. Но пусть читатель простит меня, я не могу выполнить это намерение: число занимаемых Сифоровым должностей оказалось... 59!

Как понимаете, углубляться в этот перечень невозможно — на это уйдет все отведенное для очерка место!

С годами страсть к математическим «играм» у Сифорова не прошла, она привела его к важным открытиям в области электроники, кибернетики, теории связи, где очень важно использовать не только специфические особенности этих наук, но уметь обогащать их извне, вводить в них методы математики, переплетать разные подходы и точки зрения, сталкивать теорию и практику.

Приведу лишь два примера. В 1960 году Сифоров пишет работу «О применении корректирующих кодов в ведомственной связи». Автор предлагает передавать тексты телеграмм с помощью пятибуквенного кодового языка. Он приводит расчет, который убеждает в экономической выгодности такого способа — тексты, закодированные известным образом, легче выделить на фоне помех, а кроме того, при международной переписке можно обойтись без переводчиков, так как вместо разных языков используется один — кодовый.

Владимир Иванович Сифоров.
Фото А. Награльяна

К этим важным результатам Сифорова привело увлечение методами кодирования, что является наукой, искусством и игрой одновременно — в юности он этим баловался просто так, в зрелости использовал всерьез.

Как-то, еще во времена учебы в ЛЭТИ, сокурсники попросили Сифорова объяснить им смысл теории вероятностей.

— Она помогает предсказать вероятность того или иного события,— сказал Володя.— Скажем, бросая кверху монетку, можно предсказать заранее, сколько раз выпадет «орел» и сколько «решка».

— Глупости,— усомнился один из товарищей,— я получу столько «орлов», сколько захочу.

Другой возразил:

— Никто не может сказать, какой стороной упадет монета...

— А я могу,— сказал Володя.— Вероятность выпадения «орлов» против «решек» будет 55 процентов. Спорим?

Монетки бросали целый день и ночь. До мозолей на пальцах. Число «орлов» и «решек» записывали. Володя оказался прав. Не этот ли турнир стал своеобразной прелюдией таких работ Сифорова, как «Дальнесрочное прогнозирование научно-технического прогресса», «Что мы думаем о прогнозировании? Философия дальних прогнозов», которые он опубликовал в 1969 году?

* * *

Сифоров с его тягой ко всему новому, непростому, загадочному, с его глубокими математическими знаниями и обширной эрудицией стал одним из первых энтузиастов кибернетики, этого сгустка проблем математических, физических, радиотехнических, философских. Его интересы и способности нашли наконец свое органичное применение — он стал в 1966 году во главе нового научного института, решающего современные задачи кибернетики, Института проблем передачи информации АН СССР.

Познание мира через информацию, рассеянную вокруг нас и в нас, пронизывающую живую и неживую природу; создание новых средств передачи информации, и прежде всего электронно-вычислительных машин, этого орудия прогресса; новых методов связи в радиолокации, телевидении; новых методов расшифровки космических сигналов, в том числе сигналов от космических кораблей и внеземных цивилизаций — далеко не праздное занятие в век космических полетов... Сифоров организует в институте ряд лабораторий бионического и биомеханического профиля. И, конечно же, среди них лаборатории математических методов в биологии и медицине...

— Какие основные задачи ставит ваш институт?— спрашиваю Владимира Ивановича.

— Самые разнообразные: и решение сложных математических проблем, и установление точного диагноза заболевания, перевод с одного языка на другой, управление технологическими процессами, научным исследованием. Но все эти задачи мы решаем как бы через посредника — ЭВМ. Главная наша задача — научить машину решать все эти проблемы. Мы учим, готовя для нее разнообразные программы действия.

— Я вновь хочу вернуться к расшифровке внешности молодого Леонардо да Винчи. Где же место этой задачи в перечисленных вами?

— Это одна из разновидностей кибернетических задач. Мы разработали для ЭВМ программу для установления возрастных изменений человеческого лица. Это дает возможность по фотографии человека в зрелом возрасте определить его внешность в любой иной период жизни, помогает прогнозировать возрастные изменения в прошлое и будущее. Можно почти точно определить, как будет выглядеть тот или иной человек через десять, двадцать лет, как выглядел вчера или в младенческом возрасте.

— Имеет ли это какое-нибудь практическое значение?

— Разумеется! Умение воссоздавать внешность человека может стать важнейшим орудием в криминалистике. Ведь криминалисты часто сталкиваются при следствии с почти непреодолимым препятствием — отсутствием фотографии преступника в период совершения преступления. Теперь им достаточно иметь любое фото — даже по изображению анфас можно вычислить изображение в профиль, и наоборот...

— Но это все-таки локальная задача, лежащая особняком среди других?

— Нет, это часть обширной проблемы—проблемы распознавания образов, которая сейчас является одной из центральных в кибернетике. Мы угадываем приближающегося к нам человека по походке, облику, повороту головы, другим часто почти неуловимым признакам. Узнаем голос по телефону, химический состав смеси по запаху. Этому мы должны научить машину, если хотим, чтобы она стала легким партнером человека в промышленности, в исследовании. Если машина научится видеть, слышать, обонять, ощущать — не нужна будет сложная система составления программы на перфокартах.

В сифоровском институте создана ЭВМ для управления технологическими процессами и энергосистемами, которая уже понимает отдаваемые ей приказы с голоса. Диспетчер может спросить ее о запасах топлива, энергии, о характеристике режима. Он может попросить ее выдать данные этого режима, и на экране зажжется нужная таблица. При таком непосредственном контакте между человеком и машиной в случае аварии могут быть приняты срочные меры.

Сегодня в сифоровском институте машина проходит сложное обучение расшифровке данных, передаваемых с борта космических кораблей. ЭВМ уже сдала некоторые экзамены: анализировала космические сигналы, полученные со станций «Венера-9» и «Венера-10». ЭВМ научилась расшифровывать электрокардиограммы, ставить диагнозы и лечить больных на больших расстояниях. Эта работа ведется совместно с венгерскими кибернетиками.

— Владимир Иванович, а какая в институте самая новая, самая необычная работа?

— Могу ответить не задумываясь: она проводится во вновь созданной лаборатории по изучению живой клетки. Мы хотим попробовать использовать живые клетки как элемент искусственного интеллекта.

— Но ведь клетка умрет?!

— Почему же? Ее надо питать.

— А какую сверхзадачу ставит ваш институт?

— Создать искусственный интеллект, который будет решать не только заданные ему проблемы, но и самостоятельно ставить новые.

— Но возможно ли это? Ведь мы привыкли считать, что машина лишь слепое орудие в руках человека, что она способна быть только придатком, продлением человеческого мозга.

— Сейчас этого уже мало. Машина должна выйти на новую ступень машинной цивилизации. В нашем институте созданы программы для ЭВМ, которые самостоятельно изучают внешнюю среду с помощью особого языка. Они способны ставить задачу по сохранению существующей в ней структуры или менять ее в зависимости от обстоятельств. Это уже качественный скачок в машиностроении. Сегодняшний уровень науки и техники подвел человека к этому скачку...

* * *

...Все, что выпало на долю героя этого очерка в детстве и юности, мог бы придумать и Диккенс. Но вывести «в люди» он, пожалуй, Володю не смог бы. Он не ведал таких судеб. Проблем, которым отдает свои зрелые годы Сифоров, не существовало во времена Диккенса. Его герои не задумывались о возможности создания искусственного интеллекта, не придумывали коды для общения с иными цивилизациями, не подозревали о возможности передачи голоса, музыки через весь земной шар, на другие планеты. Не мог Диккенс предвидеть и того устройства общества, созданного Великой Октябрьской революцией, в котором расцвел талант беспризорного мальчика.

ФИЛЬМ О ХУДОЖНИКЕ

На днях в Москве, в кинотеатре «Октябрь», состоялась премьера документального фильма «Художник Илья Глазунов».

Режиссер фильма П. Русанов говорит о своей работе:

— Этот фильм — попытка раскрыть внутренний мир самобытного художника, в чьем творчестве раскрывается через прошлое нашей страны еще и настоящий и будущий день народа...

Фильм, повествуя о становлении Глазунова, воспевающего русскую природу, русского человека и русскую культуру, дает зрителю возможность не только понять, но еще и почувствовать истоки этого сильного и яркого творчества, они разносторонни и многообразны. Фильм, как и самое творчество художника, никого не оставляет равнодушным.

Очень хороши на экране пейзажи России, ее люди, воссозданные Глазуновым. Известность Глазунова-портретиста давно уже вышла далеко за пределы нашей Родины, и в портретах он особенно сильно заявляет себя интернационалистом, глубоким психологом. Всем памятны портреты И. Ганди, У. Кекконена, Ю. Гагарина... Да разве все назовешь?!

Зрители присутствуют при творческом процессе создания художником многих портретов. Особенно интересны кадры, где на белом листе на глазах у зрителей из-под карандаша художника возникает лицо женщины, словно оживающий образ самой красоты и вдохновения.

Интересны работы Глазунова-иллюстратора. Его графические листы полны неповторимого обаяния. Но Илья Сергеевич Глазунов не только художник, он страстный борец за сохранение памятников русской истории, за сохранение традиций древнерусского искусства. И это тоже нашло свое отражение в фильме, короткий метраж которого не стал препятствием для большого и емкого содержания.

А. ЗВЯГИНА

Ю. Пименов. Род. 1903. В КАФЕ. Киргизский государственный музей изобразительных искусств. Фрунзе.

А. Самохвалов. 1894—1971. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ.

Киргизский государственный музей изобразительных искусств. Фрунзе.

С. ДУБРАВА

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

ОСЕННЕЕ

Зоревая улыбка ручья

То раннее утро, когда я впервые увидел зоревую улыбку ручья, не забыть вовек. Занимаясь утренней зарядкой, я обычно на несколько минут задерживался на берегу, чтобы полюбоваться живыми струями, послушать их непринужденный, веселый разговор. Нельзя было не восхищаться настойчивым стремлением ручья к свободе, к движению, той неуемной силой, с которой он преодолевал запруду. Однако все это не идет ни в какое сравнение с его улыбкой, что поразила, покорила меня. Конечно, я знал о зоревых улыбках ручьев, озер, слышал об этом немало интересных рассказов. Но одно дело — слышать и совсем другое — увидеть собственными глазами.

В то памятное для меня утро я в обычное время был около ручья. Стояла свежая, овеянная запахами зрелого лета тишина. Длинные ветви ив, свисавшие над ручьем, едва шевелили листьями. Казалось, они купались в солнечных лучах. Золотое пламя солнца, тронутое светлой зеленью листьев, мягко трепетало в струях ручья. На повороте, там, где была небольшая заводь, ясная синь воды блистала живым зеркалом, в котором, словно в калейдоскопе, на фоне отраженных листьев, неба, солнца возникали сказочные картины. Я не мог оторвать глаз.

И вдруг... улыбка! В зеркальной глади воды стали постепенно вырисовываться очертания глаз, губ, носа, стал складываться облик загадочно красивого лица, обрамленного прядями каштановых волос. Не веря глазам своим, я повел головой, и, как это бывает, когда слегка поворачиваешь современное объемное фото, лицо, отраженное в зеркале воды, вдруг засветилось лучезарной улыбкой. «А троньте эту воду руками, и вы почувствуете, какая она необыкновенно мягкая, словно тончайший шелк»,—послышалось мне, и руки сами потянулись к воде. И действительно, я был поражен ее необычайной, непостижимой шелковистостью. Захватив в пригоршни все еще улыбающиеся струйки воды, я уткнулся в нее пылающим лицом. Сердце неистово колотилось. «Не правда ли, какая шелковистая вода?..» — вновь донеслись до меня слова, произнесенные ясным, звенящим голосом. Я оцепенел, пытаясь понять, кто бы это мог быть. Потом мгновенно поднялся и обернулся. На тропинке, которая вела в лес, легким облачком мелькнул чей-то силуэт...

Тополиный ветвепад

Многие любят отдохнуть в старинном загородном парке. В нем хорошо сочетаются ухоженные липовые, дубовые, вязовые аллеи, красивые клумбы с зарослями черемухи, бересклета, крушины, жимолости и небольшими, почти непроходимыми заводями с островками.

Больше всего я люблю приходить сюда ранней осенью, когда деревья и кустарники, сменившие зеленый наряд на багряно-золотистый, начинают ронять листья, когда одинокий старый тополь вместе с листьями сбрасывает и ветви. Приятно в такое время стоять вблизи него, смотреть на могучий, в два-три обхвата ствол, на пышную крону и вслушиваться в шелест молодых веток. Сколько мыслей приходит в голову в такие мгновения, какие чувства рождаются в душе!

Ветвепад... Кажется, совсем ясное и в то же время еще довольно загадочное явление. Кроме тополя, роняют ветви во время листопада осина, ива и вяз. И это, как правило, происходит уже со старыми деревьями, но почему-то не всегда. В нашем парке, например, липы, ивы, которые, кажется, и постарше тóполя, не расстаются с молодыми побегами. А вот тополь...

Может быть, другие деревья зажали его со

всех сторон, и он вынужден держать крону в нужных размерах? Но нет, соседние деревья не очень обижают его: справа и слева достаточно простора для его кроны. В чем же дело?

Размышляя над этим, я заметил, как к тополю подошли две женщины с граблями и, переговариваясь, стали убирать опавшие ветви и листья.

— Что это столько сучьев возле него?— спросила та из них, которая была помоложе.— Неужто ветер наломал?

— Нет, милая,— ответила другая, я узнал в ней старейшую работницу парка.— Ветер тут ни при чем. Видишь, черешки веток ровные, словно обрезанные. Это значит, что тополь сам сламывает их в нужном месте и сбрасывает на землю.

— Зачем это ему?

— Зачем? Вот, посмотри.— Она показала на молодой побег тополя, который виднелся возле ее ног.— В прошлом году я оставила одну упавшую ветку, прикрыв ее листьями, и, как видишь, она прижилась, пустила корни и дала побег. Старик тополь один-одинешенек столько лет простоял, вот, видать, и стремится вырастить около себя потомство.

Нимбы на озими

Это поле с его нежно-зеленым бархатным покрывалом озими Иван Семенович Свободин облюбовал несколько дней назад. Чутье художника подсказывало ему, что лучшей натуры для картины о зарождении новой жизни на фоне увядающих оранжевых рощ трудно сыскать. Накануне он побывал здесь, выбрал место и даже успел сделать набросок.

Сегодня Свободин пришел сюда еще до восхода. Ему хотелось запечатлеть игру лучей в бисере рос, обильно осыпавших свежие ростки озимой пшеницы. На пригорке он установил мольберт и, приготовив кисть и краски, стал ждать желанных проблесков солнца, медно-багровый шар которого уже виднелся сквозь деревья дальнего леса.

Иван Семенович медленно ходил взад-вперед, посматривая на живую зелень ковра, стремясь не пропустить мгновения, когда его коснутся лучи. И вот первые лучи солнца пробились сквозь начавшие оголяться вершины деревьев, золотым частоколом воткнулись в край поля и стали смещаться к центру его, вызывая на росистой озими сказочную игру красок. Наконец наступила желанная минута: вся гамма цветов предстала перед ним в первозданной красоте. Трепещущая в лучах росистая озимь, окруженная притихшими, объятыми багряным пламенем рощами, прохладная синь бездонного неба — все это взволновало художника.

Свободин схватил кисти. Прошло всего несколько минут, но этого было достаточно. Неповторимые мгновения были воплощены на полотне.

Иван Семенович перевел взгляд с картины в сторону поля, туда, где на ковре четко обозначилась его тень. «А вот и доказательство того, что работа удалась»,— подумал он и улыбнулся. Вокруг тени своей головы он увидел световой ореол. Нимб! Свободин знал об этом удивительном явлении, которое можно наблюдать на росистой траве, когда взгляд человека совпадает с направлением падения солнечных лучей и россыпь росинок отражает их и светится подобно глазам кошки. Но совсем недавно это заставляло трепетать сердца людей, особенно тех, кто не знал причины сияния. Кое-кто видел в нем явный знак своей святости или гениальности. Когда знаменитый итальянский скульптор XVI века Бенвенуто Челлини заметил ореол вокруг тени своей головы, он решил, что сияние — всевышнее признание его гения.

Размышляя так, Иван Семенович увидел неподалеку от себя пожилую женщину с корзиной, наполненной грибами. Она, наверное, тоже была поражена этим явлением — вся фигура ее выражала растерянность и страх. Правой рукой женщина нервно теребила платок и, казалось, вот-вот совершит крестное знамение. Свободин подошел к ней, завел разговор и рассказал о причинах такого светового эффекта.

— Спасибо вам,— успокоившись, ответила она,— а то я невесть что уже подумала.

Зарянки и рыболов

О трогательной дружбе зарянок с Иннокентием Петровичем, заядлым рыболовом из поселка Сосны, говорили многие. Кое-кто не прочь был объяснить ею рыбацкое счастье врача. В этом он, впрочем, сам виноват. Как-то, возвращаясь с богатым уловом, Иннокентий Петрович на вопрос, как ему удалось так много наудить рыбы, в шутку ответил, что ему зарянки помогли.

— В этой шутке есть какая-то доля правды,— пояснил он, когда мы вместе пошли на рыбалку.— Вот, смотрите, если сейчас зарянки прилетят на мой зов, то клев будет хороший. Врач сложил губы и тихо свистнул. Прошло несколько секунд, и из соседнего куста к нам прилетела маленькая, с темными большими глазами и задорно приподнятым хвостиком птичка. Вся она была серая, только горло и грудка — ржавчато-желтого цвета. «Это самец»,— пояснил Иннокентий Петрович и бросил ему щепотку рыбьей подкормки. Птичка не спеша поклевала и тут же улетела. Вскоре прилетела другая, чуть поменьше, с более блеклой окраской груди. «Это самочка,— вновь пояснил врач,— они сейчас сами поклюют, а потом примутся таскать корм птенцам. Ну, а мы займемся своим делом». Иннокентий Петрович обновил на крючке приманку и сделал очередной заброс. И тут же я заметил, как поплавок, едва коснувшись воды, чуть дернулся. Легкая подсечка — и вот рыба показалась на поверхности воды, а секунду спустя затрепетала в руках Иннокентия Петровича.

Через полчаса в его сетке было десять таких рыбин. Но вот клев внезапно кончился.

— Все ясно,— прошептал Иннокентий Петрович.— Лещи пожаловали. Сейчас я кину им немного приманки.

Он взял из мешочка горстку овсяных, смешанных с хлебом хлопьев и бросил в воду.

Минут пять — десять клева не было. Но вот поплавок слегка дернулся и скрылся под водой.

— Так и есть — лещ!— произнес Иннокентий Петрович, делая подсечку.

Врач стал медленно водить леща, норовя приподнять его голову над водой,— лишенная родной стихии, рыба становится слабее, и с нею легче справиться.

— Килограмма на полтора-два... Нелегко будет его взять, но попробуем.

Наступил решающий момент. Иннокентий Петрович попросил меня лечь на обрывистый берег реки и опустить руки в воду.

— Только осторожно,— пояснил он,— берите его без резких движений, не то...

Наконец лещ уже около меня. Казалось, он был вымотан и лежал без малейших попыток сделать какое бы то ни было движение. Вот я уже почувствовал прикосновение его боков к ладоням. Еще движение, и...

Однако лещ сделал резкий рывок и с оторванным крючком ушел под воду. Обескураженный, я поднялся на ноги. Я ждал упреков от врача, но услышал громкий смех.

— Не огорчайтесь,— продолжая смеяться, говорил Иннокентий Петрович.— На такой крючок и леску леща взять почти невозможно. У меня их с десяток уже сорвалось. А потом они умеют притворяться, берегут силы для рывка в самый последний момент.

— Не успокаивайте меня, неловкости нет оправдания,— ответил я и, заметив прилетевших зарянок, невольно улыбнулся.

С разрешения Иннокентия Петровича я взял щепотку подкормки и бросил ее птицам. И услышал в ответ нежную серебристую трель.

Валерий ХАРЛАМОВ,
заслуженный мастер спорта

КОГДА ПРИХОДИТ ЗРЕЛОСТЬ!

В те дни, когда я лежал в больнице, мои друзья снова готовились к поездке за океан, к борьбе с сильнейшими командами мира за кубок Канады. Увы, мне оставалась только одна роль — зрителя. И не только мне. Не были включены в сборную многие мои друзья по сборной и в том числе соратники по звену — Михайлов и Петров... Сколько раз за те дни, что я смотрел передачи из Канады и США, пришлось мне испытывать чувство острейшего сожаления! Разве так бы сыграла наша сборная, если бы она выступала в своем самом сильном составе?..

Конечно, я понимаю, что ничто не вечно под луной, что тренерам необходимо готовить смену, но как мы иногда расточительно списываем ветеранов еще в то время, когда они могут играть и играть. Взять хотя бы Викулова, которого включили в состав сборной-76 после долгого перерыва. Как прекрасно выступил этот опытнейший хоккеист в борьбе за кубок Канады!

Еще весной 1967 года на чемпионате мира в Вене звено в составе Владимира Викулова, Виктора Полупанова и Анатолия Фирсова было признано лучшим. А кто из поклонников хоккея вспоминал в ту пору имена Михайлова или Петрова? Обо мне же вообще никто не слышал! К сезону 1972 года Викулов был уже сформировавшимся первоклассным мастером, шестикратным (!) чемпионом мира. Вот почему я так гордился своим приходом к Фирсову и Викулову, и хотя к тому времени я тоже кое-что мог, но чувствовал себя в этой компании учеником.

Немало пришлось мне сыграть матчей, пока я перестал считать себя новобранцем. Сколько их сыграно, матчей! Возьмем хотя бы сезон 1975/76 года. На первенстве страны команда проводит 36 матчей. На чемпионате мира каждый член сборной команды выступает до десяти раз, а осенью 1975 года я, кроме того, сыграл еще в пяти матчах розыгрыша приза газеты «Советский спорт» и в четырех — на мемориале Валерия Павловича Чкалова в Горьком. Я участвовал в турнире «Известий», затем играл в Канаде и США против клубов НХЛ. Добавьте розыгрыш Кубка СССР, встречи на Кубок европейских чемпионов, поединки в Инсбруке на Белой Олимпиаде — их было шесть и приплюсуйте контрольные проверки накануне чемпионата мира. Вот и получится восемьдесят — девяносто игр.

Это за сезон. Но бывает, что мы проводим и до ста игр. Значит, за восемь лет, прожитых в большом хоккее, сыграно несколько сот матчей. Разные они по содержанию, разные по результатам. Не так-то просто выбрать самый памятный, но я попытаюсь.

Любители хоккея знают, что когда игры идут через день или через два на третий, то мы уезжаем в Архангельское, место учебно-тренировочных сборов, иногда сразу после только что окончившегося матча, а иногда, если соперник послабее или между играми несколько дней, то разъезжаемся по домам.

На следующий день после матча на тренировку собираются обычно те, кто накануне не выступал или играл всего один период, и те, кто, по мнению тренеров, сыграл неудачно. Остальные могут не приходить на занятие. Собираемся мы часов в одиннадцать. Игроки, которым тренеры разрешили не приходить, съезжаются к концу тренировки, а если кто-нибудь не может прийти в ЦСКА, то он приезжает на сборы самостоятельно, заранее известив руководителей команды.

После тренировки, вернувшись на тренировочную базу, мы обедаем, а потом каждый по-своему использует свободное время. Как правило, хоккеисты садятся за письменные столы готовиться к занятиям в институтах. У нас много студентов. Нынешней весной закончили Малаховский филиал Смоленского государственного института физической культуры Владимир Викулов, Владимир Петров, Владислав Третьяк, Евгений Мишаков. На подходе к диплому Владимир Лутченко. Основательно потрудившись, хоккеисты идут париться, сбрасывать лишний вес; мы пристально следим за своей формой, и есть игроки, которым каждую ночь снится шипящий бифштекс. Вечером мы свободны. Гуляем, благо места у нас сказочно красивые. Иногда ходим в кино, чуть ли не всей командой. Играем в шахматы. Есть любители бильярда, домино, тенниса (к теннисистам отношусь и я). Но чем бы хоккеисты ни занимались, все равно наши мысли крутятся вокруг завтрашнего матча.

Тогда, восемь лет назад, весной 1969 года, готовясь к игре, о которой я хочу рассказать, мы тоже думали о ней. Нам предстояла встреча со «Спартаком».

Ох уж этот «Спартак»! Наш главный соперник. Бывают, конечно, годы, когда спартаковцы не участвуют в борьбе за золотые медали, но такое случается не часто. За последние пятнадцать лет лишь однажды третья команда вмешалась в нашу междоусобицу да еще и обогнала нас. Это было в 1974 году, когда чемпионами стали «Крылья Советов», а остальные четырнадцать комплектов золотых медалей доставались либо нам, либо спартаковцам.

«Спартак» был первым за эти полтора десятка лет четырежды, мы — десять раз. Казалось бы, можно и привыкнуть к этому традиционному соперничеству. Но как и много раз до этого, волнение начиналось уже на предматчевой тренировке. Эта тренировка во многом определяется стилем игры нашего соперника. Если нас ждет поединок с московским «Динамо» или с командой, строящей тактику игры от обороны, то четверо наших игроков выстраиваются на рубеже синей линии и стараются не впустить соперника в свою зону, а пятый маневрирует где-то впереди, мешая атакующим набрать скорость. Если же команде предстоит открытая игра, тренировка носит атакующий характер.

«Спартак», так же как и наш армейский клуб, исповедует атакующий хоккей, и предматчевая тренировка отличалась стремительным азартом. К чему приводит открытый обмен ударами, когда все помыслы соперников

Продолжение. См. №№ 42—43.

МОЯ СТИХИЯ

устремлены вперед, к воротам, когда хлопоты по обороне собственных ворот отходят на второй план, показывает результат товарищеского, тренировочного матча, сыгранного ЦСКА и «Спартаком» в начале сентября 1976 года. Петров и Михайлов, навестившие меня в госпитале, рассказывали об этом матче с горькой усмешкой — ЦСКА проиграл 8 : 12. «Прямо гандбол какой-то, а не хоккей»,— сокрушались мои друзья.

Но вот наступил день матча, и начался он, как и любой другой день, с зарядки. Звенья проводят ее отдельно, каждое так, как считает наиболее целесообразным — в соответствии с планом игры. Во время зарядки происходит окончательное уточнение задания, капитан звена вырабатывает с товарищами план и потом на общем собрании команды докладывает об этом руководству. Собрания эти проводятся обычно перед обедом, так что еще остается время уточнить с тренерами неясные моменты. Если же на вопрос старшего тренера, все ли ясно, следует молчание, то считается, что план принят единогласно.

Самостоятельное обсуждение и уточнение игрового задания повышают ответственность каждого спортсмена, формируют навык к анализу, и хоккеист таким образом проходит первый класс подготовки к своей будущей работе в должности тренера.

По дороге в Москву, по пути на стадион стараемся говорить о чем угодно, только не о хоккее, однако мысленно мы уже в Лужниках, на льду, всматриваемся в лица спартаковцев, вспоминаем их игру, их излюбленные маневры, приемы ведения атаки, построение обороны. Так все было и в тот майский день 1969 года, когда мы ехали на матч, который должен был решить, кто станет чемпионом страны... Сколько лет прошло, а я помню наш поединок прекрасно. Да и читатель, я убежден, не забыл тот драматический матч. Его помнят болельщики, переполнившие Дворец спорта в Лужниках. Его помнят и миллионы телеболельщиков. Ведь это тот матч, который был прерван на тридцать минут.

Мы, хоккеисты ЦСКА, до сих пор считаем, что золотые медали «увели» у нас буквально из-под носа. Мы проигрывали в середине третьего периода 1 : 2, а нам нужна была ничья, и за одну секунду до последней смены ворот, на исходе десятой минуты, мы забросили долгожданную ответную шайбу. То был красивый гол. И вдруг выяснилось, что не следует верить своим глазам. Хотя табло свидетельствовало о том, что до смены ворот осталась еще одна секунда, судья из-за борта заявил, что часы якобы испорчены, что он берет время по контрольному секундомеру, что время первой половины третьего периода матча истекло, и он будто бы дал свисток.

Впоследствии обнаружились люди, которые утверждали, что этот свисток слышали. Я его не слышал.

Гол не засчитали. Вскипели яростные споры, ведь нам было до слез обидно. Тарасов ушел в раздевалку и увел команду. (Потом он был за это строго наказан и лишился, правда, ненадолго, звания заслуженного тренера СССР.) Конечно же, не надо было задерживать матч: зрители, пришедшие на стадион и собравшиеся у телеприемников, тут были ни при чем, но можно понять и тренера и нас. И только ли наш тренер виноват в происшедшем? Из-за чьей халатности возник инцидент? Почему не известили тренеров и игроков, что часы не в порядке? Интересная подробность: когда проверяли табло после матча, то все было в порядке, вся сложная система отсчета времени

Валерий Харламов в борьбе с Бобби Халлом.

работала, как и прежде, безукоризненно.

Наша команда была в ужасном настроении, играть после возвращения на лед в полную силу уже мы не могли, в конце концов проиграли со счетом 2 : 3 и вынуждены были довольствоваться серебряными медалями.

Меня эта загадочная история огорчила еще и потому, что я той весной впервые стал чемпионом мира, а вот стать чемпионом СССР не смог...

Матч за матчем. Сезон за сезоном. Длинная-длинная вереница хоккейных встреч. Упругий, насыщенный ритм жизни. Я знаю, что буду делать завтра, где буду через три дня и куда поеду через неделю. Хорошо изучил расписание самолетов на Новосибирск, Челябинск, Прагу и Стокгольм. В октябре, ноябре, феврале и марте играю против Александра Якушева и Александра Мальцева, а в сентябре вместе с двумя Сашами против Фила Эспозито и Бобби Халла, а в декабре и апреле против Владимира Мартинеца, Франтишека Поспишила, Дана Лабраатена и Ульфа Нильссона.

Матч за матчем. Сезон за сезоном. И вдруг цепочка рвется. Пауза. Вынужденная пауза. Команда тренируется и играет без меня. Без меня вылетает команда за океан, по маршруту, уже освоенному советскими хоккеистами,— в Монреаль. А я остаюсь в Москве, в Лефортове. Портативный телевизор в палате госпиталя. Впервые за многие годы я пропускаю великолепнейший, красочный и шумный праздник хоккея, довольствуясь маленьким окошком, через которое можно увидеть, увы, немногое. Заходят друзья, партнеры по звену, оставшиеся в Москве. Тоже скучают, тоскуют. Впервые против профессионалов сборная СССР выступает без нашей тройки.

Тренерам, конечно, виднее, как строить игру, как формировать команду, как готовиться к Олимпиаде, которая ждет нас через четыре года, однако нам кажется — и Михайлову, и Петрову, и мне,— что ведущие игроки песни не испортили бы. Что же касается молодых, то и им бы места в составе хватило — ведь двадцать пять человек можно было включить в команду.

Я говорил уже об относительности «хоккейного возраста», хочу лишь еще раз напомнить, что иные дебютанты, например, двадцативосьмилетние вратарь Михаил Василенок и нападающий Валерий Белоусов — ровесники Александра Мальцева и Владимира Шадрина и на год старше Владимира Лутченко и Валерия Васильева, на три года старше Виктора Шалимова, на четыре — Владислава Третьяка и на пять — Сергея Капустина. Почему же у них больше шансов выступать в 1980 году, чем у перечисленных мною ветеранов главной команды страны?

Впрочем, это не самое важное. Важнее другое — о какой настоящей проверке может идти речь, если вратарь Василенок так и не появлялся на площадке, если ни разу не видели мы на льду защитника Виктора Кузнецова, если считанные минуты (да и то против аутсайдеров турнира) сыграл Александр Голиков.

Включив новичков в команду, что само по себе было смелым решением, следовало бы так же смело и проверять дебютантов на деле. Тем более что самые молодые хоккеисты команды — Сергей Бабинов, Александр Белялетдинов и Борис Александров, которым по 21 году, 22-летний Виктор Жлуктов, 23-летние Владимир Ковин и Александр Скворцов (их ровесника Сергея Капустина я отношу к более опытным мастерам) — сыграли неплохо. В одних матчах игра у них получалась лучше, в других хуже, но общий экзамен, как мне показалось, судя по телерепортажам, они выдержали.

Считаю, что наши тренеры, возглавляемые Виктором Васильевичем Тихоновым, работали с хоккеистами прекрасно. Они поехали за океан на труднейший турнир с командой, которая, в сущности, не имела двух первых звеньев, и тем не менее сборная произвела хорошее впечатление. И если я высказываю некоторые критические замечания, то только потому, что, на мой взгляд, надо было дать больше сыграть всем хоккеистам, которых хотели проверить.

Я неопытный телеболельщик, если речь идет о хоккее. Нет навыка: привык воспринимать игру с площадки или со скамейки, где ждем мы своего череда выйти на лед. Но что мне оставалось делать? Когда в пятницу 10 сентября меня выписали из госпиталя, я чуть ли не каждые четверть часа поглядывал на часы — ждал начала телерепортажа о матче команд СССР и США.

Цветной телевизор с большим экраном давал возможность увидеть больше, чем портативная «Юность». И вот репортаж начинается. Показывают наших хоккеистов, показывают американцев. Камера скользит по трибунам, и я, конечно же, узнаю каток «Спектрум» в Филадельфии, где играли мы с командой Фреда Широ «Филадельфия Флайерс».

«Кубок Канады» — так называется этот турнир, но не только в канадских городах Монреале, Торонто и Оттаве проводятся матчи. Против двух сильнейших европейских команд — Чехословакии и Советского Союза — американцы решили сыграть у себя дома, в Филадельфии, где, как мы убедились на собственном опыте в январе 1976 года, «стены» действительно помогают.

Вот-вот начнется игра.

На льду — первое звено. Признаюсь, решение тренеров озадачило меня: на площадке Скворцов — Ковин — Белоусов. Видимо, тренеры решили, что эта тройка, пожалуй, самая скоростная, задаст тон всей игре. А может, решение продиктовано иными соображениями? Обычно тренер команды первыми на лед выпускает самых сильных. Может быть, тренеры решили нейтрализовать атаки американцев силами тройки Ковина, а удар нанести оставшимися, более опытными звеньями?

Сижу и гадаю. Эх, оказаться бы хоть на минуту в филадельфийском «Спектруме», получить бы ответы на все вопросы!

Наши играют энергично, смело, быстро. В составе команды перестройка: вместе с Александровым и Жлуктовым снова выступает Викулов, многоопытный Викулов. Я рад тебя видеть снова в сборной, мой старший товарищ! В звене рядом с молодыми хоккеистами ты должен быть лидером, ведь тебе хорошо знакома роль наставника молодых нападающих, кто лучше тебя, техничного, хладнокровного, умного, может сплотить молодежь? В свое время ты много сделал для меня, а теперь помогаешь Жлуктову и Александрову. Два сезона ты играешь с ними в одной тройке, и твои партнеры действуют все увереннее, все меньше суетятся, все больше забивают.

Так я сижу у телевизора и беседую с Викуловым, а потом с не меньшим удовольствием переключаюсь на Сашу Мальцева. Мой старый друг играет вместе с Сергеем Капустиным и Хельмутом Балдерисом. И как играет! То ли его молодежь заводит, то ли он вдохновляет молодежь,— так или иначе, звено в первые минуты смотрится отлично. А ведь сейчас в эту «микрокоманду» собраны форварды, привыкшие быть лидерами, играть на острие атаки. Все трое всегда нацелены на ворота, все умеют и любят забивать, а вот выступать в роли подыгрывающих желания обычно не проявляют.

Темп матча высок. Американцы играют жестко, но грубости откровенной мало, если не считать того, что Дженсен ударил локтем Бабинова в лицо. Но вот очередная атака нашей команды. Шайба адресована Викулову, тот с хода отправляет ее назад Гусеву (и как он сумел увидеть набегающего Гусева?), тот делает два-три шага вперед, замахивается, вратарь американцев Курран готовится к броску, и в это мгновение наш защитник отдает шайбу Александрову. И тот открывает счет. А вскоре три явных голевых момента создают Мальцев и Балдерис, но шайба летит мимо цели, а потом Викулов устраивает еще один праздник молодым своим партнерам, и Александров вновь добивается успеха — 2 : 0.

Я вижу, чувствую, что американцы начинают нервничать. Все чаще и чаще нарушают они правила, вспыхивают стычки, и хотя судьи справляются с делом, многие нарушения они все-таки не фиксируют...

Я не люблю играть с американскими профессионалами. Они слабее канадцев — не так техничны, менее интересны в тактическом плане, а вот темперамент у них такой же и нравы те же, а поскольку техники не хватает, то к слепой силе, к дракам они прибегают чаще. Вот почему так важно, что молодые — и Ковин, и Скворцов, и Белялетдинов, впервые играющие с профессионалами,— смогли познакомиться с ними поближе.

Звено Жлуктова разыгралось. Теперь уже никто не остановит ребят. Это один из неписаных законов хоккея: если не пошла игра, то, сколько ни старайся, с блеском действовать в этом матче ты не сможешь, хотя большие мастера ниже какого-то пристойного уровня не опускаются ни при каких условиях. А если все получается с самого начала, то играешь с каждой минутой все лучше. Но американцы стараются переломить ход борьбы, играют все более резко. Вот кто-то из защитников пытается «размазать» нашего форварда по борту. Вижу, как тряхнули Васильева. Ничего, Валерий не прощает ни одному обидчику — это его закон. А вот еще один гол в ворота Куррана! Викулов выдал классный пас на «пятачок» Александрову, вратарь отразил бросок Бориса, но Жлуктов был тут как тут.

По телевизору не так заметна грубость американских хоккеистов: камеры следят за шайбой, и телезрители не видят бесконечных отмашек игроков, остающихся за кадром. Третьяку приходится нелегко. Много бросков. Он все время в игре. Бросают американцы здорово — точно, сильно — при первой же возможности. Да, в искусстве броска мы, пожалуй, пока уступаем заокеанским соперникам. И я словно слышу свист шайбы, невольно пытаюсь принять ее на грудь, защитить нашего вратаря. Наверное, смешно я выгляжу со стороны: дергаюсь, размахиваю руками и даже пытаюсь провести силовой прием. Ох, как трудно хоккеисту смотреть игру по телевизору! И какую игру! На кубок Канады! С нетерпением жду второго периода, и он начинается для нас удачно. Викулов как-то не спеша въехал в зону соперника, показал, что ищет партнеров, которым сейчас отдаст шайбу, и неожиданно бросил. У Володи сильный кистевой бросок, швыряет он шайбу точно и без замаха клюшкой. Курран и глазом не моргнул, как шайба над его правым плечом влетела в верхний угол ворот...

Ну что же, 4 : 0 — это счет! И мне особенно приятно, что ко всем четырем голам приложил свою руку Викулов. И дело не только в голах — Викулов играет просто блестяще. Да и Мальцев не отстает от него. Ни разу не бился Саша с хоккеистами НХЛ так смело, как на этом турнире. Видимо, повязка капитана команды обязывает. Только один из наших ребят может потягаться с ним в смелости — Васильев. И молодой защитник Белялетдинов пытается брать с него пример. Но вот удаляют Васильева, а затем и Белялетдинова. На площадке появляется Юрий Лебедев. Догадываюсь, почему Виктор Васильевич Тихонов послал на лед именно этого нападающего. Юрий хитер, отважен, очень хорошо понимает хоккей. Один из самых грамотных хоккеистов. Мне трудно играть против него. Катается Лебедев вроде бы и не очень быстро, но вот никуда от него не денешься. И он хорошо сыграл, наш хитрейший из хитрых...

О чем говорил Тихонов команде в перерыве между вторым и третьим периодом? Не слышал, но догадаться нетрудно. Тренер, конечно, напомнил о том, что американцы не смирятся с поражением, тем более на своем льду. Что в предыдущем матче хоккеисты США отобрали очко у чемпионов мира — чехословацкой команды, причем по ходу игры сборная ЧССР проигрывала 2 : 4. Что и канадцы выиграли у своих соседей с преимуществом всего в две шайбы, причем вторую они забили в тот момент, когда американцы, пытаясь отыграться, заменили вратаря шестым полевым игроком. И, конечно же, Тихонов предупредил команду, что американцы, которым терять уже нечего, полезут напролом, и нам нужно терпеть, не ввязываться в драку, но в единоборствах не уступать, а в скорости не проигрывать. Сколько раз приходилось мне выслушивать торопливые тренерские наставления! Иногда злишься: «Отдохнуть спокойно не дадут»; иногда отбрасываешь в сторону усталость и ловишь каждое слово. Но слушать рекомендации тренера «за кадром» не приходилось никогда. Оказывается, можно и так. И когда в третьем периоде разгорелась на льду яростная силовая борьба, то и дело выходящая за границы правил, я по действиям наших еще раз убедился, что правильно «услышал» те рекомендации, которые давал им тренер...

У нас — большинство: хоккеист из команды США на скамье штрафников. На площадке, как и всегда в этом случае, сильнейшая пятерка Жлуктова. Но, увы, гола нет. Почему? Лихорадочно ищу ответ на этот вопрос, как будто если и найду разгадку, смогу подсказать правильное решение ребятам.

— Больше двигайтесь! — кричу я.— Идите на сближение!

Жена усмехается:

— Без тебя они не знают, как надо использовать «лишнего» игрока!

А американцы навязывают нашим ребятам бокс, и те сдерживаются, не отвечают на провокации. Трудно на льду! Очень трудно! Но, наконец, Репнев, появившийся вместе с Лебедевым и Голиковым, забивает пятую шайбу. Игра катится к концу. Еще несколько атак, и вот звучит сирена, а я утираю пот и чувствую себя таким усталым, будто провел эти два часа не в кресле, а на льду.

Самый памятный матч. Нелегко выбрать только один поединок, только одну какую-то встречу. Они все в моей памяти — и первый матч в Новосибирске, и первый выход в Лужниках, и первая игра в шведском «Юханнесхофе», и матчи со «Спартаком», и с «Крыльями», с «Динамо», и с профессионалами, с чехословацкими соперниками, и со шведами. И вот теперь матч нашей команды в «Спектруме» со сборной США. Первый матч, сыгранный мною после выхода из госпиталя.

ТРУДНО БЫТЬ «ЗВЕЗДОЙ»

Мы, хоккеисты, этого слова — «звезда» — не любим. Наверное, потому, что когда-то возникло на страницах нашей печати такое

понятие, как «звездная болезнь». Как оно родилось? От хоккеистов постарше слышал, что лет двадцать назад появился фельетон Семена Нариньяни о знаменитом футболисте, совершившем тяжкий проступок. Фельетон был написан, рассказывают, блестяще, прочитали его, разумеется, все, и с тех пор слово «звезда», если речь шла о спорте, стало весьма непопулярным, почти ругательным. Звездой балета быть можно, звездой эстрады — тоже, но вот звездой хоккея или футбола — рискованно.

И все-таки звезды в хоккее водятся. Это не только Орр, Эспозито, Кларк, Маховлич, но и Третьяк, Мальцев, Якушев, Мартинец... Список можно продолжить.

Легко ли быть звездой? Нет, конечно же, нет! И не только потому, что требуются талант, колоссальное трудолюбие, но и потому, что с звезды огромный спрос. И то, что тренеры прощают хоккеисту, скажем, из третьей тройки, они ни за что не простят мастеру из ведущего звена.

му что терпение их лопается. Я обращаюсь к судьям: «Будьте, товарищи судьи, внимательны, вы же понимаете и любите хоккей не меньше нас. Так пожалейте ведущих хоккеистов. Играют они больше других, их посылают на лед, когда команде трудно. Потому-то им и достается больше всех: поскольку мастерства для борьбы с ними не у всех хватает, то и используется «грязный» хоккей. Пресекать недозволенные приемы — первая обязанность судей».

Я спросил однажды популярного судью, близкого к руководящим сферам нашего хоккея:

— Неужели вы не видели, что такой-то несколько раз меня ударил?

— А что он еще может сделать? — ответил судья.

Но разве это довод? Тогда давайте запишем в правилах игры, что молодые, неопытные хоккеисты, которым не хватает технической подготовки и тактического кругозора, имеют право бить ведущих игроков. А пока правила

Хорошая компания: В. Харламов, А. Фирсов и В. Викулов.

Фото А. Никитина и Ю. Соколова

И, наконец, еще одно немаловажное соображение — отношение соперника. Я не причисляю себя к звездной когорте, хотя не могу пожаловаться на недостаток хвалебных отзывов, на невнимание печати. Дело в том, что я вижу, как много у меня еще недостатков в игре, хотя от некоторых из них я уже, как мне кажется, начинаю избавляться. Но я вижу немало неиспользованных возможностей, вижу, над чем предстоит работать, и потому, повторяю, убежден, что до совершенства мне еще далеко.

Прошлой зимой случилась со мной крайне неприятная история. Во время матча я не удержался и ударил кулаком хоккеиста «Химика», моего бывшего партнера Владимира Смагина. Мы вместе с ним играли когда-то. За этот проступок я был удален с поля на пять минут. Об инциденте много писали и говорили. И все, естественно, дружно меня осуждали... Справедливо осуждали. Я заслужил это всеобщее порицание и оправдываться не хочу. Меня обсуждали на СТК — спортивно-технической комиссии Федерации хоккея, я каялся, каялся искренне, говорил, что это в первый и в последний раз. И все же теперь, когда боль поутихла, хочется сказать несколько слов по поводу этого печального происшествия.

Судьи на моем примере хотели показать, что у нас спрос со всех равный, независимо от титулов и званий. Но в том-то и дело, что спрос далеко не равный. Если ошибется, нарушит правила рядовой игрок, никто и внимания на это не обратит, а ошибется кто-то из ведущих, как сейчас же начинаются разговоры о том, что такой-то зазнался, многое себе позволяет, считает себя незаменимым. Нужно ли Фирсову или Мальцеву, Якушеву или Викулову драться, играть грубо, выходить за рамки правил? Да нет, не нужно. У них и других аргументов хватает, чтобы выиграть дуэль у соперника, но, случается, что и они грубят. Почему? Я твердо знаю: не по своей воле идут они на такой путь ведения игры. Их провоцируют, им не дают играть, и в конце концов Якушев или Мальцев «дают сдачу», пото-

игры едины, молодому или малотехничному игроку не позволено играть в «грязный» хоккей.

Да, иногда я не сдерживаюсь и срываюсь на грубость, потому что — слаб человек! — не хватает терпения, невыносимо тяжело подставлять правую щеку, когда тебя бьют по левой. Раз, второй тебя зацепят, потом попробуют тиснуть у своих ворот, когда и шайбы-то еще близко нет, затем снесут с ног, причем постараются сделать это в тот момент, когда судья отвернулся. Ты за шайбой следишь, за перемещениями партнеров, пытаешься предугадать направление развития атаки, а твоему опекуну наплевать на шайбу, он за судьей следит, и как только тот отвлечется... Но стоит тебе не выдержать и дать сдачу, как выясняется, что судья все отлично видит, и тебя тут же гонят с поля, а потом еще приглашают на СТК.

И игроки, которым еще далеко до зрелости, почувствовали тенденцию судей. При малейшей стычке с игроком сборной или просто с именитым хоккеистом они тут же имитируют катастрофу, но сами бьют ведущих игроков при малейшей возможности. Если сосчитать шрамы, то у многих хоккеистов их меньше, чем у игроков сборной. И не только потому, что мы играем с канадцами. Мы и дома вынуждены часто обращаться к врачу.

Однажды в матче ЦСКА с «Химиком» была удалена сразу вся тройка — Александров, Жлуктов и Викулов. Но едва ли найдется такой хоккеист, в том числе из рядов «Химика», который мог бы допустить мысль о том, что Викулов — грубиян. Володя тщательно избегает «грязного» хоккея, в подавляющем большинстве случаев не отвечает на удары, ну, а уж если и вступит в схватку, то, значит, довели человека. А «Химик», надо сказать, умеет это делать.

Когда-то Борис Александров отличался невыдержанностью, был инициатором многих стычек. Его наказывали судьи, отчаянно ругали тренеры, увещевали его товарищи, и теперь нельзя не видеть, что Александров уже не тот забияка, что прежде, но соперники и сегодня умело пользуются его репутацией. Они стремятся затеять стычку с Борисом, и прав он или виноват, судьи по инерции удаляют именно Александрова. Терпеть не могу так называемых тихих хоккеистов, нарушающих правила исподтишка. Терпеть не могу подлости. Отличие ведущего хоккеиста от мастера заурядного, серенького заключается не только в уровне мастерства, в классе игры, но и в том, что заурядному хоккеисту не хватает великодушия, тактичности.

Многие тренеры и судьи снисходительны к подобным «середнякам». Тренер хвалит такого хоккеиста едва ли не на каждой тренировке:

— Петров (или Гусев, или Лутченко, или Михайлов!), бери пример с... Смотри, как старательно, как добросовестно выполняет он упражнение! Вот и ты так должен работать на тренировке!..

А чему должен учиться у партнера, играющего в третьем звене или пока еще только мечтающего попасть в это звено, Петров или Лутченко, понять нелегко. Но вот начинается матч, и если середнячок упустит шанс, то тренер только вздохнет, если же оплошает кто-то из лидеров команды, то наставник обязательно скажет, что стыдно не использовать такие благоприятные ситуации, не забыв, конечно же, напомнить о необходимости более старательно тренироваться.

Да, игрок средний, из тех, что всегда на вторых ролях, может многое себе позволить — зачем же ему лезть вперед? И кое-кто начинает задавать себе такой вопрос, забывая, что настоящий спортсмен должен мечтать о больших успехах, о первых ролях. Плох тот спортсмен, который способен одолеть своих соперников не в честной, а в бесчестной борьбе, пытается вылезти на первый план.

Я не знаю, где грань между честолюбием и тщеславием, но знаю, что нехорошо специально обращать на себя внимание. Забросив шайбу, я не вздымаю вверх торжествующе свою клюшку. Это не первый гол и, надеюсь, не последний, говорю я себе. Можно торжествовать, забросив шайбу, которая принесла твоей команде звание чемпиона мира или олимпийского чемпиона, но стоит ли радоваться, забив гол в начале сезона, когда все еще впереди, когда ждут команду и тебя вместе с ней и удачи и огорчения? Да и о сопернике подумать надо. Его чувства понять нужно. Так зачем эта демонстративная радость?

Не считаю я себя звездой потому, что, к сожалению, не раз подводил и тренеров, и команду, и себя. В конце лета 1975 года игра у меня шла легко и все получалось отлично. Мы выиграли два турнира, на мемориале Чкалова в Горьком я получил приз лучшего нападающего, и приз этот мне вручил сын Валерия Павловича Чкалова. Затем наша армейская команда выступала в Риге, в одной из подгрупп розыгрыша кубка газеты «Советский спорт», и заняла первое место, а я снова получил приз лучшего нападающего. И вот, каюсь, в этот момент я начал переоценивать свои силы, решил, что теперь могу считать себя зрелым игроком. И, полагая, что высокой спортивной формы, столь необходимой для трудного олимпийского сезона, я уже достиг, решил дать себе некоторое послабление.

В начале сезона, в первых календарных матчах чемпионата страны я выступал неважно, и в основном из-за меня играла неважно и наша тройка. Когда меня упрекали, я ссылался на травмы, они и вправду были, но правда заключалась и в том, что прежде они мне не мешали. Причина неудач была в другом — в том, что я был далек от соблюдения строгого спортивного режима. И вот меня вывели из сборной, команда поехала в Чехословакию без меня, и тогда мне впервые пришлось сидеть у телевизора. А когда наша сборная выиграла оба матча, то мне стало ясно, что команда может обойтись без меня и на Олимпийских играх. Незаменимых мастеров нет — это не голословное утверждение, а непреложный факт. Вот к какому выводу я пришел, дожидаясь возвращения сборной... Мне оставалось лишь одно — усиленно тренироваться. И спустя месяц меня вернули в сборную, а на турнире «Известий» я стал лучшим бомбардиром.

Окончание следует.

ТВ

«Сибирь». Т. Веденеева в роли Кати и Л. Марков — Лихачев.

Фото Б. Вдовенко.

С МЕЧТОЙ О БУДУЩЕМ СИБИРИ

Лидия Сейфуллина еще в разговоре о романе «Строговы» отмечала умение Георгия Маркова показать «острую классовую борьбу в сибирской деревне и те силы, какие вывели ее на путь социалистического развития». «...Люди в нем живые, их типы разнообразны», — подчеркивала она.

И вот перед нами роман «Сибирь», показанный телевидением.

Шумит, гудит сибирская свадьба. Купец Епифан Криворуков женит сына Никифора; великое идет пиршество. Но на третий день неожиданно обрывается. Бежал из Нарыма ссыльный большевик, Иван Акимов; урядник созывает людей на облаву. Молодая невестка Криворукова, Поля, обнаружив беглеца, прячет его в землянке... Так начинается шестисерийный фильм «Сибирь», поставленный по одноименному роману Георгия Маркова режиссером Виктором Рыжковым, который встречается с творчеством писателя не впервые: он уже экранизировал книгу Г. Маркова «Отец и сын».

Роман «Сибирь» — широкое историческое полотно — отражает сложные процессы жизни предоктябрьской России, когда ее старые устои, говоря словами одного из персонажей телефильма, расшатались, но старое еще держится.

Донести до зрителя монументальность и своеобразие прозы Г. Маркова, своеобычие и колоритность героев — такую задачу ставил перед собой творческий коллектив. И она оказывается ему по силам.

Один из самых ярких и привлекательных образов телефильма — профессор Лихачев. Роль превосходно сыграна заслуженным артистом РСФСР Леонидом Марковым; его Лихачев полностью поглощен наукой, но как человек прогрессивный, либерально настроенный, он не может стоять вдали от событий, и они вовлекают его в свое бурное русло. Путь профессора в революцию и очень сложен и очень естествен. Этому большому, симпатичному, по-детски чистому душой человеку веришь всецело, горячо разделяя его увлечение Сибирью, которую он знает досконально. Знает все: и геологию, и минералогию, и климатологию, и флору, и фауну. Пытливость ума, стремление во всем дойти до сути, жизнестойкость и вера в будущее России — вот качества, какие выявляет актер в своем герое, и его обаянию поддаешься безоговорочно.

Антипод Лихачева — купец Криворуков в блистательном, столь же крупном исполнении народного артиста РСФСР В. Самойлова. Герой его — тоже натура страстная, увлеченная. Но главное и единственное его увлечение — собственная персона. А для персоны на первом месте — нажива, гульба. Но гуляй не гуляй — от себя не уйдешь; и хоть лопатой гребн деньги — всех не возьмешь. Вот и мечется купец, ярится, куражится... Эти бы силы — да в настоящее дело направить, большой бы толк вышел! Ан нет — кулак и есть кулак...

В фильме создана и целая галерея образов большевиков-ленинцев — людей, как говорит Иван Акимов, «работающих на будущее», борющихся за его приближение. Это и названный уже Иван Акимов — удачный дебют молодого артиста С. Сазонтьева, и подпольщик Насимович, которого интересно играет Н. Н. Волков, и ссыльный фельдшер Горбяков — Н. Волков, вызывающий дружные зрительские симпатии. Нельзя обойти молчанием и работу молодых актрис И. Михайличенко (Поля) и Т. Веденеевой (Катя Ксенофонтова); искренность, чистота, порывистость героинь трогают сердце. И, конечно же, невозможно не сказать о старом сибиряке по имени Федот Федотович: сочувствуя революционерам, он самоотверженно им помогает. Его ярко сыграл Б. Кудрявцев.

Фильм просмотрен... Сибирь и ее люди еще крепче полюбились нам; зримее, ближе стала мысль Михайлы Ломоносова, звучащая рефреном в романе: «Российское могущество прирастать будет Сибирью».

Л. НАТОЧАННАЯ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. НИКИТИНА

ОЩУЩЕНИЕ РОДИНЫ

Его талант заметили сразу, с первых опубликованных в журнале «Огонек» рассказов. Сергей Никитин был тем художником слова, который унаследовал лучшие реалистические традиции русской прозы, приумножил их и передал молодым писателям.

От лирических рассказов Никитина веет не «запахом сена», как назвал он один из них, а самой жизнью, ее красотой, ее животворностью, ее чистотой и силой. Он не выдумывал их, он их переживал, а потом записывал.

Прекрасно зная свою родную Владимирщину, исходив ее вдоль и поперек пешком, изъездив на лодке по реке и на машине по лесным проселкам, он постигал прежде всего характеры людей, своих земляков, живущих на древней русской земле. Повезло Владимирскому краю, повезло тем, что герои произведений талантливого писателя были им найдены именно здесь, на его малой родине. Он не только нашел этих героев — шоферов и доярок, паромщиков и охотников, рыбаков и строителей,— он дал им жизнь в слове.

Его писательское мужество состояло в том, что он не боялся глубин человеческой психики, он, как искусный специалист-психолог, анатомировал человеческие души и находил в них хорошее или плохое, высокое или низменное. Чаще всего — хорошее, доброе. Сразу ставший хрестоматийным рассказ Никитина «Даша», напечатанный в 1952 году в «Огоньке», обратил на себя внимание высокой духовной силой его героини, чистотой и верностью чувств простой русской женщины, нашедшей в далекой стороне раненого мужа, попавшего в госпиталь с фронта.

Рассказ «Даша» был первым произведением молодого писателя, напечатанным в Москве. С. Никитин стремительно вышел с ним на широкий литературный простор. Особая «вкуснота» стала свойством всех рассказов писателя. Она говорила о чем-то новом в нашей прозе, о новом видении деревни, природы, социальных конфликтов.

Я помню Сергея Никитина, которому в эти дни исполнилось бы ровно полвека, именно с тех давних пор, когда слава всходила над его головой. Получив золотую медаль Всесоюзного литературного конкурса молодежи за рассказ «В бессонную ночь». Никитин не зазнался, не «полюбил» себя, но только как бы вырос в глазах друзей и почитателей.

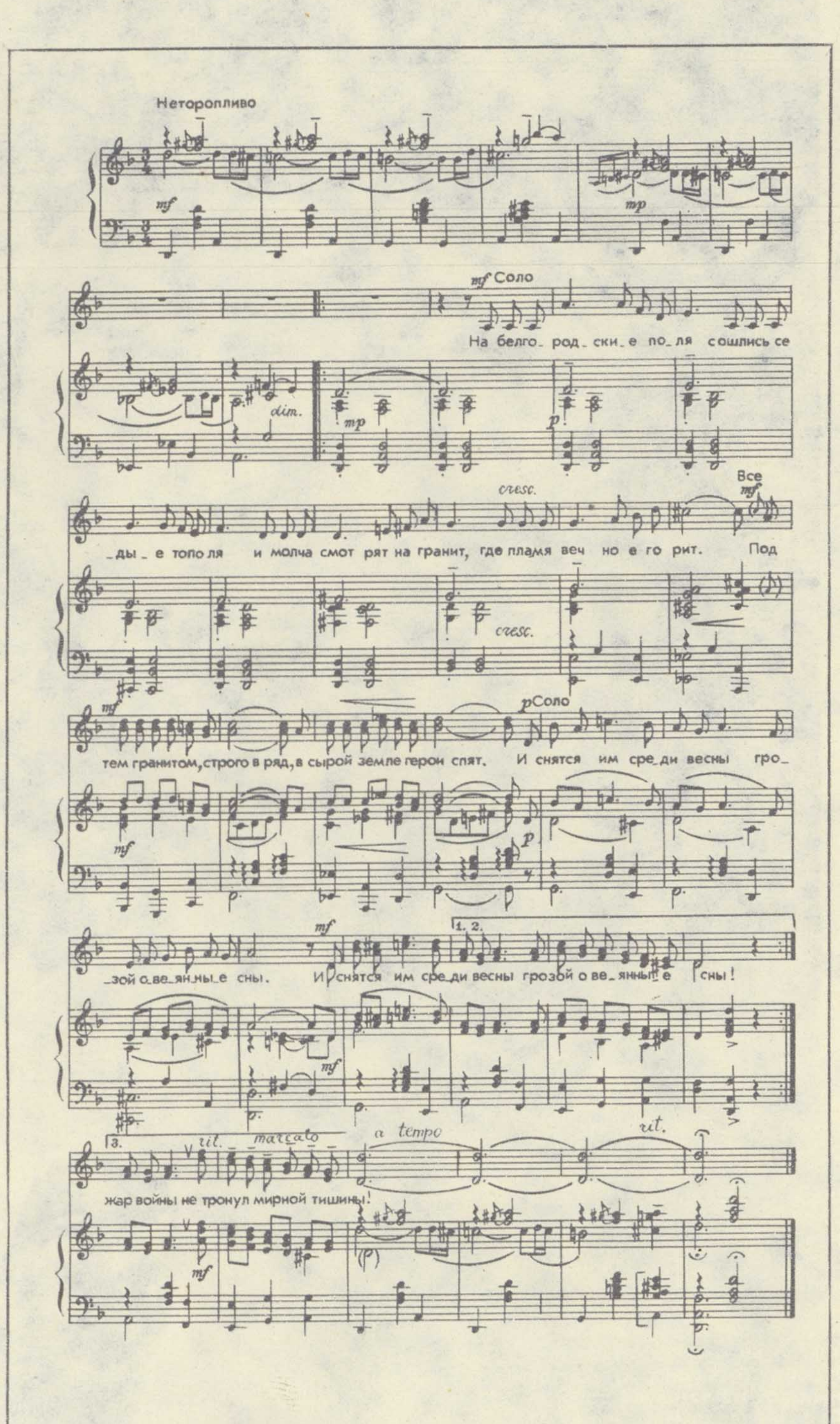
В моей памяти совершенно четко остались впечатления от свиданий тех лет. Помню дом, где жил Никитин во Владимире,— помню именно таким, каким он был в годы никитинской молодости, где прожил писатель до последнего своего часа, где неожиданно умер ясным зимним днем 1973 года.

К Никитину привел меня один из владимирских поэтов. Привел запросто, как можно привести к лучшему другу. И хоть мы пришли внезапно, хлебосольская суть души Сергея Константиновича проявилась здесь заметно. Он не давал мне, начинающему литератору, советов и наставлений, он даже не просил почитать ему что-то, оставить на столе, он самим своим существом говорил, каким надо быть писателю и человеку. Ни разу он не упомянул громкого литературного имени, не похвастался хвалебной рецензией.

Сергей Никитин по-сыновнему любил свою родную землю. Владимирскую, ярославскую, мещерскую, суздальскую. Всю нашу Родину. За что он любил ее? На этот вопрос отвечают оставленные нам изумительные рассказы писателя. В одном из них он говорит: «Зачем я пошел и чего искал? Кому-нибудь этот вопрос, может быть, покажется ясным: ты, мол, писатель, вот и пошел «собирать материал», кропать вечным перышком в записной книжице всякие наблюдения. Но такой нужды у меня не было, и я... не искал никакого «материала», не делал никаких записей, а просто нуждался в непосредственном ощущении родины — ее людей, неба, солнца, ветра, рек, озер, болот, лесов, лугов, полей».

О Сергее Никитине, одном из выдающихся советских новеллистов, мы знаем сегодня и еще одно: своим творчеством он снискал любовь и признание читателей, для которых его имя — синоним подлинного таланта, умного и глубокого русского слова.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Грозой овеянные сны

Музыка А. НОВИКОВА

Стихи А. КУБАРЕВА

На Белгородские поля
Сошлись седые тополя.
И молча смотрят на гранит,
Где пламя вечное горит.
Под тем гранитом строго в ряд
В сырой земле герои спят.
И снятся им среди весны
Грозой овеянные сны.

Живут крылатые мечты.
А на заре цветут сады.
И, глядя в солнечный зенит,
Красавец Белгород стоит.
Весною он среди равнин
Возник из пепла и руин.
Хранит он в памяти своей
Великий подвиг сыновей.

Идет вперед за годом год,
Былое в памяти встает.
И по курганам в тишине
Легенды ходят о войне.
Они идут,
Они живут,
Людей к содружеству зовут,
Чтоб никогда пожар войны
Не тронул мирной тишины.

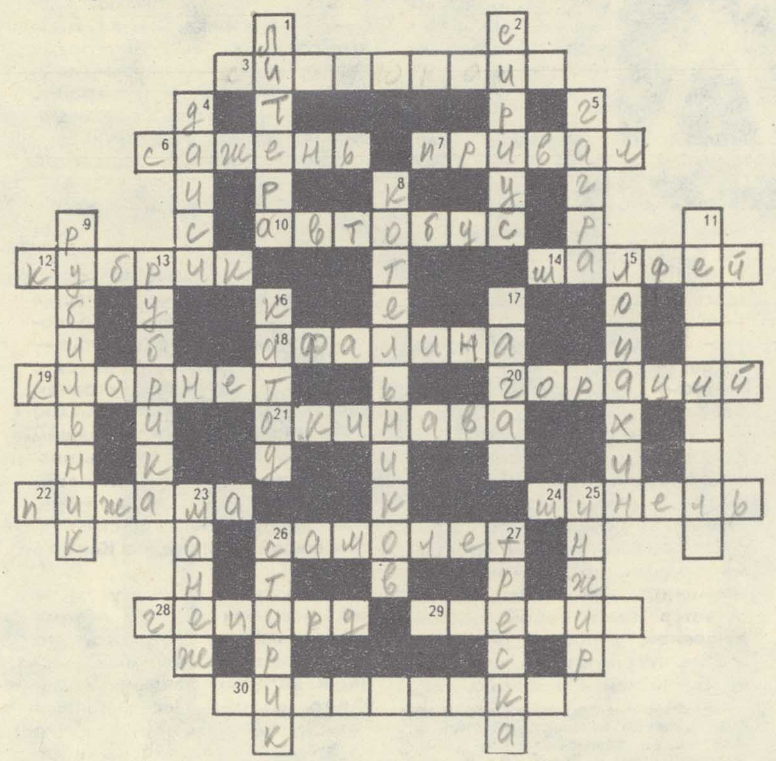
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Русский писатель XIX века. 6. Старая мера длины. 7. Отдых в пути. 10. Вид транспорта. 12. Помещение на судне. 14. Травянистое растение, применяемое в медицине. 18. Дневная бабочка. 19. Духовой инструмент. 20. Римский поэт. 21. Японский остров. 22. Домашний костюм. 24. Повесть Н. В. Гоголя. 26. Летательный аппарат. 28. Хищник, живущий в пустынях Африки и Азии. 29. Басня И. А. Крылова. 30. Солистка Большого театра, народная артистка СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Рельефное изображение печатного знака. 2. Самая яркая звезда на небе. 4. Опера З. П. Палиашвили. 5. Курорт в Абхазии. 8. Изобретатель авиационного ранцевого парашюта. 9. Электрический выключатель. 11. Отвесная прямая линия. 13. Заголовок раздела. 15. Персонаж романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 16. Электрод. 17. Река в Швеции. 23. Арена цирка. 25. Плодовое субтропическое дерево. 26. Пьеса М. Горького. 27. Промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 43

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Гафуров. 7. Скерцо. 8. Крокет. 10. Вольт. 12. Вермонт. 13. Бастион. 16. Матрица. 18. Орион. 19. Олдридж. 21. Филателия. 22. Гипербола. 24. Стеллаж. 26. Карун. 27. Антенна. 28. Микаэла. 29. Корсика. 30. Алеко. 32. Рюкзак. 33. Треска. 34. Конопля.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Краков. 2. Проект. 3. «Будильник». 5. Брынза. 6. Монако. 9. Местоимение. 11. Поликлиника. 14. Коринка. 15. «Индиана». 17. Цитра. 20. Лоран. 23. Протектор. 25. Железо. 27. Апогей. 30. Аккорд. 31. «Отелло».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Всесоюзный научно-исследовательский институт синтетического волокна в Калинине. Сотрудники лаборатории физико-химических методов инженеры Татьяна Сухарева, Виктор Алесов и студентка Калининского государственного университета Лариса Корчагина изучают химический состав и свойства текстильных материалов.

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Осенний этюд.

Фото В. Матвеева.
(Москва. На фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/X — 1976 г. А 00733. Подп. к печ. 27/X — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2355. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2900.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Новелла ИВАНОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Джонни Старк, тот самый импресарио, который одиннадцать лет назад «открыл» тогда еще никому не известное имя Мирей Матье, протянул мне пачку фотографий. Мирей на сцене, на репетиции, в простенькой вышитой кофточке, в шляпке 20-х годов...

— Итак, где вам больше всего понравилась наша Мирей?

— Здесь, в Большом театре, когда мы познакомились!

Месье Старк с улыбкой кивает головой.

— Вот и ответ на ваш вопрос, в чем я вижу секрет ее огромной популярности. Где бы ни была Мирей, с кем бы она ни встречалась — а встречается она не только с простыми людьми, но и с мировыми знаменитостями,— она всегда остается сама собой: милой, душевной, простой. И люди всегда чувствуют это, отвечают ей симпатией и любовью.

Ей было неполных восемнадцать, когда они встретились — маленькая темноволосая дочка каменщика из Авиньона и прославленный импресарио, у которого тоже была дочь, только чуть младше. Шла телевизионная передача, в которой участвовали молодые певцы. Среди них была победительница конкурса самодеятельности из Авиньона, голос которой поразил Джонни Старка. Он сразу же отправился к родителям этой девушки, чтобы предложить ей контракт.

— Я разыскал семейство Матье, и оказалось, что в этой дружной семье четырнадцать ребятишек. Отцу и матери приходилось нелегко. Мирей уже в десять лет должна была оставить школу, чтобы помогать семье. Мое предложение сделать Мирей «звездой» эстрады было встречено очень спокойно, а папаша Роже сказал: он всегда в глубине сердца верил, что его дочка будет большой артисткой.

«Звезда» Мирей Матье взошла стремительно. Уже через месяц после телевизионного дебюта она пела на знаменитой сцене парижского зала «Олимпия». Спустя год вышла первая ее грампластинка, и девушка из Авиньона отправилась в гастрольное турне по многим странам Европы, Южной Америки. Она побывала в Австралии, Японии и в Советском Союзе.

...И вот спустя девять лет Мирей Матье снова гостит в нашей стране. На этот раз — всего несколько дней. Но она приехала не на гастроли. Это интервью «Огоньку» я записала в тот самый день, когда в превеликом волнении впервые в жизни французская певица готовилась выйти на сцену прославленного Большого театра.

— Мирей, вы приехали к нам, чтобы участвовать в концерте, завершающем Неделю Советского Союза на телевидении Франции. Как вы относитесь к этому событию?

— Я счастлива, и для меня это большая честь. Благодаря телевидению французы получили возможность совершить недельное путешествие в Советский Союз, увидеть страну поближе и лучше узнать. А это, по-моему, очень важно!

— Вот вы сказали — «я счастлива». А какое оно, ваше представление о счастье?

— Счастье... По-моему, каждый сам создает свое счастье и каждый по-разному его понимает. Для меня счастье — петь для людей, встречаться с ними в самых разных странах, узнавать их и дружить с ними!

— Много пишут о вашем удивительном даре делать песню «своей», то есть так передать ее содержание, что она уже воспринимается страничкой вашей биографии. Как это удается?

— «Чужих» песен у меня нет, все они «свои», потому что я сама их выбираю. Это бывает нелегко. Я люблю песни, в которых заключена какая-то история. Песня должна быть маленьким, пусть всего на три минуты, рассказом о жизни. Хотя, конечно, и мелодия для меня имеет очень большое значение...

— Говорят, у каждой песни есть душа. Вы согласны с этим?

— Душа песни — ее содержание, а точнее, тот образный строй, который она рождает.

— В таком случае, Мирей, расскажите о том, как родилась песня, которую советские телезрители услышат в вашем исполнении на праздничном «Голубом огоньке». Ее написал ваш друг, композитор Поль Мориа, и посвятил ее Великой Октябрьской революции...

— Еще в школе, маленькой девочкой, я услышала о великой стране, которая называется Советский Союз. Однажды мне в руки попала книга об Октябрьской революции, и это было для меня открытием. Могла ли я тогда думать, что однажды я приеду в эту страну и даже буду петь песню о революции на борту «Авроры», корабля, который вошел в ис-

ДО ВСТРЕЧИ, МИ

...РЕЙ !

На память о Москве.

Джонни Старк (слева) и французский журналист Патрис Пико.

Мирей Матье репетирует в Большом театре.

торию! Поль назвал эту песню: «Когда рассвет, товарищ», и мы создали ее в те дни, в Ленинграде.

— Запишите для читателей вашего журнала,— продолжает беседу импресарио,— что Мирей приедет к вам на гастроли весной следующего года. Новый год начнется с гастрольного турне по Канаде, США. Потом после поездки в СССР мы отправимся в Японию, Австралию, на Филиппины. Несколько месяцев во Франции, и снова гастроли. На этот раз — в Венесуэле, Бразилии, ГДР, ФРГ и скандинавских странах. Словом, у Мирей уже есть расписание концертов до восьмидесятого года!

— В таком случае вы уже почти ответили на вопрос о том, как выглядит обычный рабочий день актрисы...

— Да, Мирей очень много трудится! Обычно с десяти утра до полуночи. Она поражает меня своим удивительным трудолюбием и мужеством. Ведь ей нелегко переносить большое физическое напряжение: восемь лет назад Мирей попала в автомобильную катастрофу и получила повреждения седьмого и шейного позвонков. Но не в ее характере поддаваться трудностям. Мирей стала заниматься балетом, чтобы справиться с последствиями катастрофы, и серьезно им увлеклась. Она огорчается, когда в поездках ей недостает времени на занятия танцем. Вообще она очень любит учиться, с удовольствием разучивает песни на английском, испанском, немецком, итальянском и даже японском языках.

...Наша беседа подходит к концу. Через несколько минут Мирей Матье предстояло выйти на сцену. Я показала ей фотографии, сделанные в Москве фоторепортером «Огонька», и попросила одну из них подарить читателям журнала.

— Мне нравится вот эта фотография,— сказала она и надписала: «Читателям «Огонька» со всей моей симпатией. Мирей Матье».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663